

ПЕРВАЯ ГРАНЬ ПИРАМИДЫ

Истина лежит не на поверхности. Если на этой почве, а не на какой-либо другой, апельсиновые деревья пускают крепкие корни и приносят щедрые плоды, значит, для апельсиновых деревьев это и есть истина. Если именно эта религия, эта культура, эта мера вещей, эта форма деятельности, а не какая-либо иная, дают человеку ощущение душевной полноты, могущество, которого он в себе и не подозревал, значит именно эта мера вещей, эта культура, это форма деятельности и есть истина человека. А здравый смысл? Его дело объяснять жизнь. Пусть выкручивается как угодно.

*Антуан де Сент-Экзюпери
«Планета людей»*

Куда, петербургские жители,
Толпою веселой бежите вы?
Какое вас гонит событие
С работы на Юго-Восток?
Там фрукты растут обалденные,
Чайханщики – люди степенные,
Летят из Кабула военные,
И песню поет ишачок...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – НАЧАЛО.

ЛЕНИНГРАД. ТРЕСТ «ЛЕНОРГИНЖСТРОЙ». ОТДЕЛ КОЛЛЕКТОРНЫХ ТОННЕЛЕЙ.

У окна, непрозрачные от грязи стекла которого ярко освещены солнцем, стоит письменный стол, накрытый, как скатертью, листом белого ватмана. Среди хлебных крошек, чашек с остатками чая, бумажек от конфет и апельсиновых корок лежат в беспорядке сушки, пряники, нарезанный ломтями батон, несколько луковиц на разделочной доске и длинные парниковые огурцы. Рядом - хрустальная вазочка со следами варенья; дымящаяся алюминиевая кастрюля с водой, из которой торчат разномастные запотевшие баночки, закрытые металлическими крышками; электроплитка со сковородкой и большая пузатая бутылка с подсолнечным маслом. Посреди всего этого разгрома, в самом центре стола, возвышается полная воды трехлитровая стеклянная банка, внутри которой включенный в сеть кипятильник поднимает со дна редкие пузырьки воздуха. Работает радио.

Голос диктора (женский): Двадцать седьмой год трудится на фабрике «Красный треугольник» Галина Андреевна Калашникова. Исполнительный, ответственный работник, добрый и отзывчивый товарищ, Галина Андреевна неизменно вызывает к себе любовь и уважение сотрудников по цеху. По итогам соцсоревнования за первый квартал этого года, бригада формовщиков, в которой работает Галина Андреевна, вышла на первое

место по объединению, в чем немалая заслуга и самой Галины Андреевны, трудолюбие которой не раз отмечалось правительственными грамотами и ценными подарками. Сегодня Галине Андреевне исполняется пятьдесят пять лет. Любящую жену, добрую маму и заботливую бабушку поздравляют муж, две дочери и четыре внучки Галины Андреевны, и просят передать для нее песню в исполнении ее любимой певицы Нани Брегвадзе. Мы с удовольствием присоединяемся к поздравлениям. Доброго здоровья, счастья и долгих лет жизни Вам, уважаемая Галина Андреевна! Музыка Экимяна, слова Рустайкис. «Снегопад».

Оркестр играет вступление.

Голос Нани Брегвадзе:

Я еще не успела испытать свою осень,
А уже снегопад сторожит у ворот.
Он надежды мои, как дороги, заносит,
И грозит застелить надо мной небосвод...

Вода в банке закипает и начинает интенсивно бурлить. Камера немного отъезжает, открывая стоящий справа от стола стул. Раздается шум распахнувшейся двери и цокот каблуков. К столу подбегает запыхавшаяся толстушка лет двадцати восьми, с яркой целлофановой упаковкой в руках. Она выдергивает из розетки шнур, вынимает кипятильник и вешает его на вбитый в подрамник гвоздь.

Девушка (подражая грузинскому акценту Нани Брегвадзе): Сэ-негопад, сэ-негопад, не мети мне на косы...

Зажав пакет под мышкой, она достает из ящика стола металлическую коробочку, высыпает в кипяток немного заварки, накрывает банку тарелкой и плюхается на стул. Вода в банке окрашивается в кирпичный цвет. Некоторое время девушка внимательно разглядывает пакет, прощупывает через упаковку его содержимое. Потом откладывает его в сторону, достает из алюминиевой кастрюли запотевшую баночку, насухо обтирает ее полотенцем, отвинчивает крышку, нюхает и ложкой начинает аппетитно вылавливать оттуда фрикадельки. Камера снова немного отъезжает, открывая еще один стул, но уже с другой стороны стола. Хлопает дверь. Входит высокая крупная женщина в распахнутом пальто, отягощенная двумя сетками, набитыми очищенными от кожуры лимонами.

Женщина: Маякова, я лимонов купила! - она ставит сетки на свободный стул, снимает пальто и бросает его на кульман, взметнув клуб пыли.

Девушка проглатывает очередную ложку супа:

- Я же говорила, а вы мне не верили! По два десять?

Женщина: По два тридцать. И, главное, почти без очереди. Народу никого, мы с Нинкой хотели картошки взять, так она уже кончилась. А тут, как раз, вывозят четыре ящика... Ну, мы и разделились - Нинка на Угол побежала, а я осталась.

Девушка достает кошелек:

- Сколько с меня?

Женщина: Ну... тут по два с половиной... та-ак... сейчас сосчитаю, погоди... пять семьдесят пять, вроде бы. Некоторые, правда, уже подгнивать начали...

Девушка: Так у них всегда так! Придерживают все до самого последнего момента, пока не сгниет!

Женщина: Они говорят - только сегодня привезли.

Девушка: Надо прямо сейчас все нарезать и пересыпать сахаром.

Женщина: Я хочу половину пересыпать, а остальное сварить. У Нинки где-то рецепт был записан. Туда как-то ванилин или корица добавляется, или мед - помнишь, она на Новый год приносила? Такой необычный вкус.

Женщина берет у девушки деньги, пересчитывает и кидает в карман своего пальто.

Девушка: Я боюсь, банок может не хватить. У меня в столе всего шесть литровых.

Женщина: В шкафу надо посмотреть. Там несколько еще с осени от огурцов осталось.

Женщина пододвигает к столу высокий одноногий вертящийся табурет, садится на него, отламывает кусок булки и достает из алюминиевой кастрюли свою баночку. Камера отъезжает еще немного, открывая слева от стола захламленный письменный стол и мягкое глубокое кресло перед ним. Ударив дверь, в комнату быстро входит невысокого роста худой мужчина лет пятидесяти; на нем три вязаных домашних свитера, надетые один на другой, и пузырящиеся на коленях пятирублевые джинсы.

Мужчина: Чаю! Чаю! Скорее чаю! - он падает в кресло, раскрывает лежащий на столе дипломат, вынимает из него какие-то листки, быстро просматривает их, некоторые откладывает в сторону, другие кидает обратно и захлопывает дипломат. - Убегаю в «Спецтоннель»!

Женщина откладывает ложку:

- Какой «Спецтоннель», Сергей Сергеевич?! Мы же с вами договаривались на сегодня! Вы же обещали! Мне завтра уже согласовывать надо! Меня же Галаудин теперь убьет!

Мужчина не реагирует, сосредоточенно роясь в ящиках своего стола. (Вообще, внешне бурные выяснения отношений между мужчиной, женщиной и девушкой, их взаимные упреки, обиды и ворчание - на самом деле скорее игра, привычный стиль общения, не способный нарушить общего благодушного настроения.)

Девушка: Сергей Сергеевич, тебя, кстати, Тамарка искала, и «Сети» тоже просили зайти.

Мужчина (продолжая рыться): Тятя, тятя, наши «Сети» притащили мертвеца...

Женщина: Бросаете, значит, Сергей Сергеевич? В такой момент? Ну ладно, Сергей Сергеевич, идите в свой «Спецтоннель», куда хотите, хоть на Северный полюс! А нас тут пусть лишают премий, увольняют с работы, раз вам все равно!

Мужчина: Ну почему сразу же *мой* «Спецтоннель»? Это же, можно сказать, *наш* «Спецтоннель»!

Девушка: Я уже налила. Тебе булку намазать?

Мужчина (неожиданно раздражаясь): Только, вообще, не надо мне, пожалуйста, ничего говорить про еду!

Женщина: А что такое, Сергей Сергеевич?

Девушка: Я тебе, кстати, рис с курицей принесла. Маяков вчера не доел...

Мужчина: Что такое, что такое, вообще! Теперь они еще спрашивают, что такое!.. Вы же меня там бросили вчера в лаборатории! Оставили на растерзание этим волкам!

Женщина: Как это мы вас бросили, Сергей Сергеевич?! По-моему, так вас просто за уши оттуда было не вытащить!

Мужчина: Вы что, не знаете, можно подумать, вообще, кто там работает? Это же банда подлецов!

Девушка (смеется): Да ты вспомни, Сергей Сергеевич, как вы тут, два года назад, когда Мурашов с Берковским еще у нас работали, к концу дня просто падали со стульев!

Мужчина: Что такое, вообще, что за диверсия? - он хлопает себя по карманам, роется на столе, лезет в куртку, висящую на спинке его кресла. - Где мои сигареты?

Девушка: У меня на столе.

Мужчина: Ну вот, вообще, всегда так... - он одевает куртку, кепку, берет дипломат, подходит к столу и присаживается на краешек стула, на котором стоят сетки с лимонами. Взяв большую чашку, доверху наполненную чаем, он делает, обжигаясь, несколько торопливых глотков. Потом декламирует:

Я хочу напиться чаю,
К Маяковой подбегаю.
А пузатый от меня...

Девушка: Сергей Сергеевич, ну ты нахал!

Камера отъезжает и теперь видна вся комната, облик которой несет печать долгого зимнего уныния - на фоне грязного мутного окна во всю ее стену теснятся письменные

столы, заваленные рулонами бумаги и огромными картонными папками. По боковым сторонам громоздятся подрамники, кульманы и чертежные доски с брошенными на полпути чертежами. В углах под потолком серебрится паутина. Лоснящиеся обои свисают клочьями. Шумно открывается дверь.

Женский голос (за кадром): Девчонки! Касса уже открылась, давайте быстрее, Татьяна очередь заняла!

Женщины отставляют в сторону баночки, достают кошельки и убегают. Оставшись один, мужчина делает еще несколько быстрых глотков, встает, поправляет кепку, выключает радио, поднимает дипломат, берет со стола девушки пачку сигарет и торопливо выходит вслед за ними...

Внезапно, на верхнюю часть окна надвигается большая бесформенная тень, которая постоянно видоизменяясь и принимая различные причудливые очертания, движется сверху вниз и останавливается в его середине. Затем, с наружной стороны к стеклу прилепляется мокрая щетка, которая тщательно трет окно, отчего по нему начинают стекать грязные разводы. Потом, в верхней части окна, сдвигая грязную воду в сторону и оставляя за собой широкую полосу прозрачного стекла, проезжает склиз, приоткрыв кусок ярко-синего неба. Прошелестев бумагами, по комнате вдруг пробегает сквозняк. Несколько листков слетают на пол...

После того, как очищается еще несколько полос на стекле, с той стороны окна появляется Андрей. Он сидит на маленькой доске, прикрепленной с помощью строп и металлической рогатины к двум висящим веревкам. На нем черные, протертые на коленях, вельветовые брюки, заправленные в яркие желтые резиновые сапоги, и красная болоньевая куртка. Сбоку болтается полное грязной воды белое пластмассовое ведро. Убрав последнюю полосу грязи, Андрей критически оглядывает свою работу и слегка подправляет склизом в левом нижнем углу окна, как бы нанося завершающий штрих на открывающуюся перед нами картину города. После этого он прислоняется лицом к стеклу и, оградив ладонями глаза от солнца, с любопытством заглядывает внутрь. Потом, отстранившись от окна, сматывает закрученные на рогатину веревки и съезжает вниз...

За окном - безоблачное весеннее небо. Как гигантские театральные декорации, плавно выгибаются вдали купола соборов. Вспыхивают яркими солнечными зайчиками промытые дождями жестяные крыши. Теряются в дымке расплывчатые очертания парков и скверов. Бесшумно движутся по угловатым улицам потоки маленьких машин. Бесшумно плывут по каналам крошечные моторные лодки.

КРЫША СТАРИННОГО ДОМА.

По коньку крыши, между высокими печными трубами, осторожно крадется за голубями худая рыжая кошка. На мгновение она замирает, подняв мордочку на солнце, и ее зрачки сужаются до узеньких черных щелочек.

КРЫША ПУШКИНСКОГО ТЕАТРА.

На освещенном солнцем уступе крыши Пушкинского театра, возле открытого окна, повернувшись лицом в сторону шумного Невского проспекта, стоит актер в черном фраке и белой рубашке. Держа в левой руке листок бумаги с текстом, он что-то громко декламирует, широко размахивая в такт правой рукой.

КРЫША ДВОРЦА ПИОНЕРОВ.

С крыши Дворца пионеров за актером угрюмо наблюдает бригада кровельщиков. Подставив солнцу болезненно-белые рахитичные тела в наколках и обгоревшие на солнце красные лица, шеи и кисти рук, они обедают, развалившись на рулонах рубероида. На засаленной газете перед ними - несколько бутылок кефира, редиска, зеленый лук, бутерброды с вареной колбасой.

КАМЕННЫЙ БАЛКОН ВЫСОКОГО ЗДАНИЯ.

Около скульптуры орла, перегнувшись через перила балкона, прапорщик внутренних войск, с автоматом за плечами считает вслух проезжающие далеко внизу черные правительственные машины. Пущенный из соседнего окна бумажный самолетик, описывая круги, плавно опускается вниз.

Прапорщик: Тридцать девять, сорок, сорок один, сорок два, сорок три, сорок четыре...

ДВОР В СТАРОМ РАЙОНЕ.

Яркое небо. Солнце. Асфальт в лужах. Голые деревья, за ними старый двухэтажный свежештукатуренный дом. Два белоголовых мальчика (семи и девяти лет) возятся с цепью своего велосипеда. Старший брат склонился вниз с седла, опершись ногой о поребрик. Младший, сидя на корточках возле заднего колеса, подкручивает что-то гаечным ключом.

ЮСУПОВСКИЙ САДИК.

Растрепанная старуха, высокая и очень худая, в обвисших тренировочных штанах, домашних тапочках и длинной красной кофте, что-то бормоча себе под нос, быстро идет по дорожке парка. На берегу пруда лежат на подстилках загорающие. Несколько пацанов, сидя на корточках, мутят прутьями воду, пытаюсь подтащить к берегу красочный журнал, плавающий на поверхности.

Старуха вдруг останавливается возле них:

- Кто из вас старший?

Вскакивают одновременно несколько подростков, но самый бойкий из них, оттеснив остальных в сторону, первым подбегает к ней:

- Я! Я самый старший!

Старуха: Сейчас сюда приедет милиция и водолазы. Будут искать моего сына, утонувшего в пруду. Если хотите, можете помочь...

ШКОЛА.

В глубине парка, за полупрозрачными силуэтами голых деревьев прячется длинное двухэтажное здание школы. Звонок с урока нарушает тишину: хлопают крышки парт, начинаются крики, топот, визг. Будто не выдержав этого все возрастающего давления, в середине здания распаивается дверь, выпуская на улицу фонтан радостных, бегущих по домам школьников.

На крыльце школы, прямо посреди этого бушующего потока, прижимая к груди журнал успеваемости, прикрыв глаза и подставив лицо солнечным лучам, стоит хрупкая и совсем юная учительница начальных классов. Она глубоко вдыхает ароматный весенний воздух и улыбается чему-то своему.

Среди прочих детей из школы выбегает девочка лет восьми, в легком клетчатом пальто с ранцем за плечами. Сбежав по ступенькам, она кидается на шею ожидающей ее бабушке.

Бабушка: До свидания, Наталья Юрьевна.

Девочка: До свидания, Наталья Юрьевна!

Учительница: До свидания, Анечка, всего хорошего! - не открывая глаз, она закидывает свесившуюся на лоб прядь за ухо и подставляет солнцу другую сторону лица.

Бабушка дает внучке большое красное яблоко, берет ее за руку и они не спеша идут по аллее парка. Пройдя мимо аккуратно подстриженных деревьев и неглубокого заросшего пруда, они выходят на сухую асфальтовую дорожку, тянущуюся вдоль огороженного металлической сеткой детского сада.

Детсадовские дети уныло бродят по своей территории, копаются в песочнице, лазают по металлической ракете. Некоторые дружно раскачивают какую-то уходящую вверх

толстую ржавую проволоку, вделанную в большой бетонный куб, врытый в землю возле самого забора.

Дети (хором): Дядя! Дяденька!

Дети кричат и пытаются еще сильнее раскатать проволоку.

Привлеченная криками, бабушка останавливается и оборачивается в их сторону. В этот момент, в шаге от нее, на асфальт падает ведро с битумным лаком, обдав ее саму и внуку с ног до головы черной вязкой жидкостью. Онемев от шока и проследив взглядом по проволоке, бабушка обнаруживает высокую металлическую трубу, на самом конце которой видит Сергея. Чумазый, в насквозь пропитанных битумом штанах, ватнике и подшлемнике, стоя на верхней скобе лестницы и держась рукой за широкий раструб, из которого валит густой черный дым, Сергей, не двигаясь, как замороженный, смотрит на нее сверху. Потом, будто очнувшись, он медленно отцепляет от верхней скобы обмотанную вокруг пояса веревку и начинает обреченно спускаться вниз.

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ.

На теплом освещенном солнцем подоконнике, поглощенные чтением конспектов, сидят две студентки и попеременно кусают лежащую между ними на полиэтиленовом пакете булочку с маком. На противоположной стене висит большой стенд. Крупная надпись сверху гласит: «Альпинизм в ЛИСИ». Чуть помельче девиз: «Десять месяцев подготовки - за два месяца в горах». Ниже идут какие-то фотографии, рисунки, коллажи и мелкие надписи к ним.

Откусив очередную порцию булочки, одна из девушек поднимает голову, облизывает пальцы и, оттопырив мизинец, указывает подруге в сторону стенда:

- А вон тот ничего, милашка.

Подруга нехотя отрывается от тетрадки и рассеянно глядит в указанную сторону:

- Который?

Первая девушка: Да вон тот, внизу, где написано «Выборг»!

Вторая девушка: Да где?!

Первая девушка сползает с подоконника, подходит к стенду и, встав на цыпочки, тычет пальцем в освещаемую солнцем фотографию шерпы Тенцинга, запечатленного в базовом лагере на леднике Кхумбу после своего знаменитого первого в мировой истории восхождения на Эверест.

Вторая девушка: Ну и вкусы у тебя! - брезгливо поморщившись, она в недоумении пожимает плечами. - Приходи к нам на Бойцова, у нас там пол-общаги таких. Меня от них уже воротит...

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ. АУДИТОРИЯ КАФЕДРЫ ГЕОЛОГИИ.

В небольшой светлой аудитории, уставленной по стенам застекленными коллекциями минералов, увешанной графиками геологических процессов и многочисленными картами, сидят студенты-первокурсники, разложив перед собой толстые тетради и разноцветные фломастеры. Лектор - плотный невысокого роста мужчина лет сорока пяти, в широких черных брюках, клетчатом пиджаке и больших квадратных очках, рисует мелом на доске какую-то картину.

Профессор: Европейская часть нашей страны от юга и до севера расположена на огромной вогнутой скальной плите, - одновременно он чертит длинную плавную горизонтальную выгнутую вниз линию. - Эта плита выходит на поверхность только в крайних северных и южных своих оконечностях.

Профессор выводит на правом и левом концах линии зазубрины, символизирующие вылезшую на поверхность плиту.

Профессор: Вся же средняя ее часть, - он проводит горизонтальную линию, соединяющую концы вогнутой линии, - заполнена многочисленными верхними четвертичными отложениями.

Профессор затушевывает получившуюся дольку, обозначив отложения.

Профессор: Поэтому почва практически по всей поверхности европейской части плодородна, - в доказательство этого он рисует торчащее из перегнойя дерево. - Вот здесь где-то Москва.

Для большей наглядности, профессор изображает какое-то подобие Кремля, но у него получается плохо и он завершает рисунок большой пятиконечной звездой на одной из башен.

Профессор: На северной оконечности первые выходы скал наблюдаются в районах городов Выборга и Приозерска. Выборг, с точки зрения геологии, в первую очередь интересен еще и тем...

Голос профессора постепенно стихает.

ВЫХОД СКАЛ В РАЙОНЕ ГОРОДА ВЫБОРГА.

Два молодых человека с рюкзаками за спиной и девушка спускаются с небольшого заросшего соснами пригорка и выходят на железнодорожную колею, ограниченную по бокам двумя рядами невысоких скал. Обращенная к югу, обильно освещенная солнцем сторона скал, - уже сухая и чистая. Другая, спрятавшаяся в тени, сырая и темная, - еще сверкает заполнившим трещины льдом и пятнами не растаявшего грязного снега. Молодые люди идут по солнечной стороне. Дурачась, раскинув руки в стороны, они пытаются пройти прямо по рельсу, но то и дело теряют равновесие и сходят вниз, чуть не падая на скользких, залитых мазутом шпалах. Около чахлого, покрытого копотью куста они останавливаются. Девушка забирается на большой, нагретый солнцем, камень и усаживается на нем, поджав колени к подбородку. Молодые люди снимают рюкзаки и оглядываются по сторонам. В одном из них мы узнаём Сергея.

Сергей: Вечером можно пойти пешком прямо до вокзала, - он указывает в ту сторону железнодорожной колеи, где она сворачивает вбок и теряется из виду. - Мы с Сашкой тут возвращались в прошлое воскресенье, когда опоздали на автобус.

Татьяна: А в блинную мы успеем?

Сергей расстегивает молнию своей новенькой ярко-зеленой пуховой куртки, достает из внутреннего кармана пачку «Беломора» и вынимает из нее папиросу:

- Тебе вредно блины. Ты же растолстеешь...

Татьяна: Ой-ой-ой, кто бы говорил! Гроза комплексных обедов! Да я такой толстой, как ты, вообще никогда не буду! - она снимает вязаную шапочку, достает из кармана расческу и зеркальце и начинает тщательно причесываться.

Сергей сминает пальцами папиросу под губы:

- Посмотрим, еще не вечер... Юлиан, - обращается он ко второму - симпатичному цыганистому парню в ватнике, который в это время достает из рюкзака термос и пакет с бутербродами, - дай, пожалуйста, спички.

Юлик: Я же завязал...

Сергей: Не вовремя как-то вы всегда завязываете, - он шарит в своем рюкзаке, находит спички, закуривает, потом снимает пуховку, под которой оказывается грубо заштопанная выцветшая олимпийка, накидывает ее Татьяне на плечи и делает несколько широких разминочных взмахов руками.

Татьяна: Ой, какая легкая! Совсем ничего не весит, - она плотнее закутывается в пуховку. - И теплая... Так, говоришь, сам ее шил? Что-то не верится.

Сергей делает неопределенный жест рукой: мол, не хочешь - не верь. На это Татьяна, быстро тараторя, начинает забрасывать его вопросами, имитируя тон газетного репортера:

- Как вам удалось достичь таких высоких результатов? Сколько лет вы потратили на сбор материала? Вы работаете один? Вы проводили опыты на собаках? На людях?

Сергей и Юлик начинают смеяться, а она, уже вкрадчивым и ласковым голосом, продолжает:

- Прямо как на меня сшита... Тебе, Серега, нельзя носить красивые вещи, они тебе не идут. Правда, Юлик?

Юлик: Что правда, то правда, - он открывает термос, наливает в металлическую крышку дымящийся кофе и подает Татьяне. - Серега, бери бутерброды.

Татьяна (резким, отрывистым тоном следователя): Откуда у вас эти красивые вещи?! Где вы их взяли?! Они же вам не идут!.. А-а-а, какой горячий!! - взяв крышку, она начинает быстро переключать ее из руки в руку, потом кидает на колени шапочку, ставит на нее крышку и, подвывая, машет обожженными руками.

Сергей: Ка-кие мы нежные!

Юлик: Танюха, держи, - он кидает ей толстый вязаный носок, Татьяна надевает его на руку, снова берет крышку, дует на кофе и отпивает его мелкими глотками.

Сергей с некоторым удивлением следит за ее руками:

- Ну, у тебя и ногти!

Татьяна: Ой, слушайте, я же совсем забыла! - она смотрит на свои длинные, ухоженные, выкрашенные белым лаком ногти на левой руке. - И ножниц нет... Что же теперь делать?

Сергей: Что делать, что делать... Обгрызай!

Татьяна: Ну да! Как так обгрызать? Я же не могу. Я не умею... Ой, ну надо же так... - она с искренним огорчением снова и снова разглядывает свои ногти, как бы примериваясь, каким образом еще можно их укоротить. Вдруг ее осеняет какая-то идея, и она с надеждой оборачивается к Юлику.

Мгновенно оценив ситуацию, Юлик порывается тут же уйти:

- Так, мне тут надо срочно...

Татьяна (умоляюще): Юля, ну пожалуйста, ну будь другом...

Несколько секунд Юлик смотрит на нее уничтожающим взглядом:

- Ну, вы даете! - он зло садится рядом с ней на камень, грубо берет ее руку и вертит перед глазами.

Сергей: Ну, не буду вам мешать, - он затягивается папиросой и, размахивая во все стороны руками, идет вдоль скал, внимательно их осматривая и что-то насвистывая себе под нос.

Пока Юлик обкусывает Татьяне ногти, она продолжает пить кофе.

Татьяна (искренне ласково и нежно): Юлик, ты такой хороший, такой добрый... Я этого никогда не забуду... Хочешь, я тебе такую же пуховку сошью?

Юлик на секунду прерывает свое занятие, долго и тщательно сплевывает:

- У тебя все равно так не получится.

Татьяна (обиженно): Почему это?

Юлик: Потому что он для этой куртки три месяца вручную пух от перьев отделял. Из родительской подушки. Поэтому она и не весит ничего. Они с Вовиком на пару этим занимались... Чем так мучиться, лучше уж в ватнике всю жизнь мерзнуть.

Татьяна (уязвленно): Ну и что? Подумаешь!.. Зато я тебе сделаю двухстороннюю, с теплыми карманами, с капюшоном-трубой... Хочешь? К лету? У тебя как раз день рождения будет... Точно! Я тебе ее подарю на день рождения.

Юлик: Подари мне лучше ножницы...

Попыхивая «Беломором», возвращается Сергей:

- Пошли чуть подальше пройдем, разомнемся с полчаса.

Юлик: Скоро уже идти надо, все уже проснулись, завтракают, наверное.

Татьяна ставит недопитый кофе на камень и спрыгивает вниз:

- А они знают, что мы должны приехать?

Юлик: Если Валерка вчера приехал, то знают.

Татьяна снимает пуховку и бережно кладет ее на рюкзак Сергея, но та сползает на землю. Татьяна поднимает ее, тщательно отряхивает и вешает за капюшон на куст, стараясь, чтобы она как можно меньше касалась черных от сажи прутьев:

- А что у них будет на завтрак?

Сергей: Будешь задавать много вопросов...

Резкий гудок заглушает его слова. Из-за поворота со страшным грохотом вылетает пассажирский поезд «Илья Репин», следующий из Ленинграда в Хельсинки. Сергей и Юлик бросаются по разные стороны дороги и прижимаются к скалам. Татьяна вскрикивает и, опрокидывая кофе, вскакивает на камень, на котором до этого сидела. Один за другим проносятся мимо них вагоны, обдавая гарью и пугая своей опасной близостью. Сорванная внезапным порывом ветра, пуховка падает с куста. Сергей пытается ее поймать, но в этот момент она, подхваченная мощным восходящим завихрением, планирует и зацепляется за какую-то выступающую деталь последнего вагона. Издав длинный прощальный гудок, поезд выскакивает из скального ущелья на простор и несется в сторону границы с Финляндией, оставляя позади себя легкое облачко пуха. Выругавшись, Сергей бросается вдогонку и некоторое время бежит за поездом, поскользываясь на шпалах, в надежде, что пуховка вот-вот сорвется и упадет вниз. Потом, выдохшись, он переходит на шаг и, наконец, останавливается совсем, долго глядя вслед последнему вагону, пока тот не скрывается из виду.

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ. АУДИТОРИЯ КАФЕДРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ.

Постепенно возвращается голос профессора геологии:

- ...Вот, собственно, и все, что можно сказать в этом плане о примечательности Выборга.

В холодную полуподвальную аудиторию, увешанную плакатами описывающими порядок действий подразделений гражданской обороны во время ядерного взрыва, а также образцами противогазов, респираторов и комплектов индивидуальной защиты граждан, едва пробивается дневной свет через закрашенные окна под потолком. Несколько ламп в абажурах защитного цвета освещают сидящую за партами студенческую группу, состоящую из одних девушек, кутающихся в пальто и шубы. Многие из них не сняли даже и шапок. Напротив девушек, боком к зеленому цвета доске, закинув ногу на ногу и слегка покачиваясь на стуле, сидит знакомый нам профессор геологии, но уже в накинутом поверх клетчатого пиджака пальто с поднятым воротником, о подкладку которого он протирает очки. На доске изображена точная копия предыдущей картины профессора, только теперь на месте Кремля возвышается слабое подобие Останкинской телебашни.

На улице завывает сирена. Профессор встает, надевает очки и смотрит в небольшую дырочку, протертую в краске в нижнем углу окна. Он видит, как по улице, в плотном потоке машин, обгоняя автобусы и рискованно лавируя между трамваями, несется, вращая синей лампой, милицейский «УАЗ». Пристроившись за ним, как за надежным прикрытием, движется ярко-красный «Запорожец».

Профессор: Перерыв.

ИЗ КАБИНЫ КРАСНОГО «ЗАПОРОЖЦА».

Через лобовое стекло виден красный капот «Запорожца» и движущаяся впереди милицейская машина, как ледокол рассекающая поток транспорта на две части. Переднее сиденье возле водителя отсутствует. Вместо него стоит заляпанная мастикой бочка, валяются грязные полиэтиленовые мешки. Вдали показывается перекресток. Включив сирену и замигав, «УАЗ» сворачивает вправо, «Запорожец», запрыгав на рельсах, - влево. После этого он уже не так удачно едет по городу, пока, наконец, обогнув кирпичную «точку», не въезжает, распулав голубей, во двор новостроек и не останавливается возле крайней па-

радной девятиэтажного блочного дома. Хлопнув дверью, из «Запорожца» выходит Юлик, останавливается на тротуаре, засунув руки в карманы штанов, и оглядывает тихий двор и фасад дома.

ЗДАНИЕ КОТЕЛЬНОЙ.

Вращая сигнальной лампой, к зданию котельной подкатывает милицейский «УАЗ» и, лихо развернувшись, тормозит у входа. Два милиционера легко взбегают по ступенькам и скрываются внутри здания. От основания трубы отделяется фигура Сергея и медленно движется вдоль забора к зданию котельной. С другой стороны сетки, следом за ним, семеният детсадовские дети и с интересом его разглядывают.

Детсадовский мальчик: Дяденька, вы зачем бабушку облили? Дяденька, вы зачем бабушку облили?

Сергей зло отмахивается от него, ногой оттаскивает на обочину расплющенное ведро, медленно всходит на крыльцо котельной и исчезает за дверью.

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ. КОРИДОР.

В пустынном коридоре, возле освещенного солнцем стенда «Альпинизм в ЛИСИ», воровато оглядываясь по сторонам стоит студент, согнувшийся под тяжестью своего товарища, который, сидя у него на плечах, подрисовывает шариковой ручкой всем мужчинам, изображенным на фотографии под надписью «Кузнечное. Большие скалы», огромные длинные члены. За кадром звучит голос профессора геологии:

- Приозерск и Кузнечное являются основными поставщиками бута, щебня и клинкерных материалов для нашего северного региона... Карьеры, заводы по переработке гранита, а также сложная сеть железнодорожных подъездных путей организуют в районе Кузнечного, Куликово и Хиитолы уникальную производственно-экономическую систему, способную своими мощностями обеспечить...

Голос профессора снова затихает.

ВАГОН ПАССАЖИРСКОГО ДИЗЕЛЬНОГО ПОЕЗДА.

Несколько темных силуэтов, прикинув к окну неосвещенного вагона, внимательно всматриваются в проплывающие снаружи, залитые бледным лунным светом хвойные леса и редкие автомобильные дороги, пересекающие железнодорожный путь и теряющиеся где-то в глубине ночи. Неожиданно яркие прожекторы высвечивают за окном несколько огромных мрачных бетонных цехов, соединенных между собой лабиринтами наглухо зашитых со всех сторон горизонтальных галерей и наклонных эскалаторов, упирающихся в землю наподобие гигантских лап. На рельсах безмолвствуют покрытые белой пылью пустые вагонетки. Такая же пыль блестит на больших стальных резервуарах и многочисленных трубах, оплетающих этого представителя отечественной камнедробильной индустрии. Силуэты отодвигаются от окна.

Первый голос: Подъезжаем!

Тотчас же вагон наполняется ерзаньем, кряхтеньем просыпающихся людей, шуршанием надеваемой одежды и стуком снимаемых с полок вещей. За окном проплывают фонари и показывается деревянное одноэтажное здание станции с надписью «Кузнечное». На платформе мелькает несколько человек в шинелях.

Второй голос: Пограницы!

Небольшое замешательство в вагоне. Поезд тормозит, останавливается и распаивает двери.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ПЛАТФОРМА «КУЗНЕЧНОЕ».

Небольшой красный дизельный поезд стоит, раскрыв двери, на пустынной ночной станции. Возле каждого вагона дежурят по два пограничника. У головы поезда их около

десятка. На соседних путях покоятся длинные составы пустых платформ и пропитанных мазутом цистерн.

Пассажиры появляются внезапно, разом из всех дверей. В одно мгновение платформу заполняют несколько тысяч человек навьюченных рюкзаками. Сосредоточенно глядя себе под ноги, они движутся к началу поезда, сбегая по ступенькам вниз, наискось пересекают железнодорожные пути и скрываются с противоположной стороны насыпи. Пограничники позволяют им беспрепятственно проходить мимо, однако несколько человек выуживают из потока и подводят к скачущему в стороне майору погранвойск. Тот о чем-то спрашивает у задержанных и они начинают наперебой что-то темпераментно ему доказывать. Потом достают паспорта и указывают на какую-то отметку в них. Майор берет паспорта, долго их рассматривает, вертит так и сяк, после чего кладет в свой нагрудный карман. Задержанные сникают и прекращают споры. Торопливо идущие мимо пассажиры не обращают на происходящее никакого внимания.

В это же время с другой стороны поезда двое мужчин с рюкзаками тяжело спрыгивают на гравий и, оглядевшись по сторонам, быстро семенят в сторону стоящих на путях товарных вагонов. Курящие в конце поезда солдаты лениво окликают идущих, после чего те, не оборачиваясь, ускоряют темп и пытаются нырнуть под вагоны. Пограничники бросают окурки, догоняют последнего и сбивают его с ног. Однако первый уже успел перебраться на другую сторону состава. Солдаты спокойно дают ему уйти.

Платформа пустеет, остаются только военные и несколько человек задержанных. Солдаты подводят к ним хромающего беглеца. Все вместе они заходят в передний вагон, двери которого за ними захлопываются. Коротко свистнув, поезд трогается с места.

ОКРАИНА ПОСЕЛКА КУЗНЕЧНОЕ.

На широкой вымощенной бетонными плитами дороге путники вытягиваются в непрерывную цепочку и движутся мимо огромных гор щебня, слабо освещенных прожекторами. Фигуры мужчин и женщин ненадолго появляются в тусклых пятнах света, и через мгновение снова исчезают в темноте. Они одеты в ватники, городские куртки, пуховки, пуховые жилеты, меховые безрукавки, олимпийки, болониевые ветровки, свитера, полиэтиленовые накидки, брезентовые плащи, шерстяные рейтузы, джинсы, брюки, эластичные трико, трикотажные спортивные штаны, сапоги, кеды, борцовые тапочки, галоши, ботинки, кроссовки... Все они несут рюкзаки (в основном самодельные), причем самых разнообразных конструкций, форм, размеров и расцветок: зеленые, красные, синие, желтые, коричневые, смешанных цветов, полосатые, в клеточку, круглые, квадратные, прямоугольные, овальные, широкие, узкие, совсем короткие и очень длинные, а также стальные и просто легкие металлические каркасы, на которых лежат тюки, коробки, ящики, картонные бочки... Мелькают привязанные к рюкзакам бухты веревок, доски, обернутые бумагой подрамники, свернутые рулонами листы ватмана... Многие несут гитары - в чехлах, полиэтиленовых мешках и просто открытые. У кого-то на плече аккордеон, кто-то держит в руках футляр со скрипкой, кто-то коробку с тортом. Молодой человек тащит граммофон с раструбом... Некоторые ведут за руки сонных детей, каждого со своим маленьким рюкзачком за спиной. Попадают и совсем крошечные дети. Они крепко спят, сидя на рюкзаках за спиной у родителей, обняв их за шею и свесив ноги им на грудь...

Если бы кто-нибудь из местных жителей страдал бессонницей и вышел в этот час на крыльцо своего дома, он был бы, наверное, сильно напуган представшим перед его глазами странным зрелищем, для этих безлюдных мест крайне необыкновенным: нескончаемая вереница тяжело нагруженных людей целенаправленно, бесшумно и быстро движется по дороге, не ведущей никуда, кроме необитаемого леса и границы с Финляндией. Возможно, у этого человека возникла бы мысль о начавшейся войне или о какой-то широкомасштабной диверсии. Однако в эти предпраздничные ночи сон жителей поселка особенно крепок. Только бездомные собаки, сбившись в кучу, удивленно и настороженно следят за движущейся процессией...

По левую сторону дороги бледнеют иссеченные осколками стволы чахлого березового леса. Справа открывается глубокий скальный карьер, по дну которого блуждают фары невидимых машин. Время от времени, нарушая тишину и заставляя пешеходов испуганно вздрагивать, оборачиваться и шарахаться на обочину, по дороге с оглушительным ревом проносятся огромные «БЕЛАЗы», с колесами выше человеческого роста. Одна из таких машин оказывается до отказа набита рюкзаками и их владельцами, которые заполнили всю ее кабину, гроздьями висят на подножках и даже лежат на капоте перед лобовым стеклом. Пронесаясь мимо, они радостно приветствуют идущих пешком и жестами радушно приглашают всех желающих присоединиться к себе.

В том месте, где дорога делает крутой поворот в сторону карьера, путники сворачивают на небольшую поляну. Некоторые из них, не останавливаясь, напрямик уходят друг за другом по малозаметной тропе в лес. Другие расстилают на земле коврики и палатки, кладут под головы рюкзаки, забираются в спальные мешки и тут же засыпают. Остальные небольшими компаниями рассаживаются на траве, снимают теплую одежду, переобуваются в сапоги, укладывают поудобнее рюкзаки, едят бутерброды, пьют из термосов чай и кофе, потом поднимаются и тоже уходят в лес, вслед за первыми.

ТРОПА ХО ШИ МИНА.

Вдоль ярко освещенной луной серебристой глади озера, перечеркнутой редкими стволами мертвых сухих деревьев, движется непрерывная цепочка навьюченных людей. Их темные силуэты медленно и сонно взбираются на небольшие пригорки, осторожно спускаются по камням в низины, перебираются, помогая друг другу, по перекинутым через протоки шатким бревнышкам.

КРЫША ДЕВЯТИЭТАЖНОГО БЛОЧНОГО ДОМА.

Распахнув ударом ноги чердачную дверь Юлик - в перемазанной мастикой рубашке, карлсоновских штанах на лямках и с двумя ведрами герметика в руках - выбирается на крышу. Две загорающие женщины, взвизгнув, убегают от него за лифтовую тумбу, на ходу подбирая разбросанную одежду. Юлик, хмыкнув, провожает их взглядом, опускает ведра, садится на небольшой уступчик и закуривает, глядя на освещенный солнцем лесопарк, начинающийся сразу же за домом, через дорогу.

Выкурив сигарету до половины, он откладывает ее в сторону и вытаскивает спрятанные под ржавым металлическим листом две смотанные кольцами веревки, концы которых привязаны к четырехугольной бетонной трубе и телевизионной антенне. Растянув их в сторону одного из панельных стыков на краю крыши, Юлик ложится около него на живот и свешивает голову вниз. Стык оказывается уже заделанным. Юлик переползает к соседнему и снова высовывается наружу. Второй стык сделан только до третьего этажа, Юлик перетягивает веревки к нему и сбрасывает их свободные концы вниз. Из проема трубы Юлик вынимает большой полиэтиленовый мешок, достает из него металлическую сварную загогулину, привязанную к мягкому сиденью от стула, и наматывает на нее свисающие веревки. Потом, сбросив вниз конец еще одной веревки потоньше, подвешивает к ней на зажиме ведро с герметиком. Все это он перекидывает на стену дома, поднимает еще дымящийся окурок, несколько раз жадно затягивается и затапывает его ногой.

Одев страховочный пояс, Юлик прищелкивается к рогатине, еще раз оглядывает закрепление веревок и, взявшись руками за скобы в панели здания, ложится животом на ребрик крыши, закидывает ноги за перегиб, встает ими на сиденье и начинает осторожно сползать вниз. Вережки под его тяжестью вытягиваются и напрягаются, как струны. Одной рукой он поправляет съехавшие с перегиба резиновые шланги, отчего резко оседает вниз и снова судорожно хватается рукой за скобу. Оплетка веревки прямо перед его глазами немного раскручивается, обнажив три тонкие напрягшиеся жилы. Сглотнув слюну, Юлик съезжает ногами с сиденья и садится на него сам, повиснув на вытянутых руках и не решаясь еще расстаться с последней надежной опорой. Наконец он разжимает руки, рывком

съехав вниз еще на метр. Немного пообвыкнув в своем новом положении, Юлик сбрасывает с рогатины несколько витков веревки и начинает плавно опускаться вниз вдоль шва, разделяющего панели дома. Левой рукой он ослабляет зажим с ведром мастики и оно тоже скользит по веревке рядом с ним...

Окна верхнего этажа плотно прикрыты шторами. Ниже этажом, на кухне, женщина лет сорока пяти в бигудях, напевая что-то себе под нос, раскатывает на столе тесто.

У открытого окна кухни седьмого этажа старушка ест котлеты с макаронами и смотрит телепередачу на экране маленького переносного черно-белого телевизора. Тень Юлика внезапно ложится на тарелку. Выронив вилку, старушка испуганно оборачивается, после чего бросается к окну, захлопывает створку, закрывает ее на все задвижки и, схватив в охапку все, что лежит на подоконнике, отбегает за стеклянную дверь кухни, откуда продолжает подозрительно следить за проезжающим снаружи окна незнакомцем.

Нечто происходящее в комнате следующего этажа, заставляет Юлика резко сбавить скорость. Сквозь легкий, просвеченный солнцем тюль занавесок он видит сидящую на краю не застеленной кровати обнаженную девушку. Глядя на себя в большое, вделанное в дверцу шкафа зеркало, девушка расчесывает длинные, как у русалки, светлые волосы. Восхищенный и завороженный, Юлик медленно едет мимо. Уже опустившись ниже уровня окна, он вдруг решительно останавливается и, с трудом дотягиваясь до подоконника, призывно барабанит по нему пальцами.

КОМНАТА ДЕВУШКИ:

Девушка задумчиво оборачивается к окну, где в углу комнаты, в глубоком кресле сидит невидимый Юлику огромного роста коротко стриженный мужчина, который лениво жует жвачку и смотрит приглушенно работающий цветной японский телевизор.

Девушка: Что ты говоришь?

Мужчина: Я ничего не говорю.

Девушка: Показалось.

Немного подождав, Юлик спускается дальше. На ручке кухонного окна следующего этажа, снаружи, висят две сетки - одна с яблоками, другая с какими-то бумажными свертками. Остановившись и внимательно глядя в окно, Юлик залезает рукой в сетку с яблоками и, выбрав самое большое и красное, засовывает его в карман штанов. Внезапно, снизу раздается негромкий спокойный хрипловатый женский голос:

- Нехорошо воровать, молодой человек!

Юлик вздрагивает и оборачивается вниз. Облокотившись большой грудью о подоконник открытого окна комнаты, находящейся немного в стороне от шва, вдоль которого спускается Юлик, на него смотрит бальзаковского возраста крашеная блондинка с ярко-красными от помады губами. Она одета в полупрозрачную ночную рубашку с глубоким вырезом на груди, сверху которой небрежно накинут пестрый махровый халат, подпоясанный кушаком. Полными холеными пальцами с длинными перламутровыми ногтями она тербит свисающую веревку и, улыбаясь золотыми коронками, глядит на Юлика подведенными черной тушью глазами.

Юлик (преодолев короткое замешательство): Ну что вы! Это так, случайно, - он делает неопределенный жест рукой и съезжает на один уровень с женщиной.

Женщина: Случайно?.. Это значит как - уже привычка брать чужое? - она заговорила подмигивает Юлику и чуть подтаскивает веревку к себе так, что он, как груз маятника, слегка сдвигается в ее сторону. - А я уже несколько дней за вами наблюдаю... Какая интересная у вас работа!

Юлик: Разве?.. Ну, это как сказать... Работа сидячая, но на воздухе.

Женщина подтягивает веревку еще ближе, так, что Юлик оказывается прямо напротив ее окна, лицом к лицу с ней:

- Вы, наверное, голодны? - она кивает на сетку с яблоками. - Я могла бы вас накормить... Вы такой молодой, красивый, вам надо хорошо питаться.

Она неотрывно смотрит на Юлика и он целиком погружается в ее магнетический взгляд.

Юлик: Ну... в общем... надо обдумать это предложение.

Женщина: А что же тут думать? - она смеется и притягивает Юлика совсем близко. - Можете не бояться. *Сейчас* я одна.

Отпустив веревку и удерживая Юлика возле себя за локти, она прижимает его к самому подоконнику. В этот момент у нее в прихожей раздается звонок в дверь. Продолжая удерживать Юлика возле себя, женщина испуганно настораживается и прислушивается. Звонок уверенно и настойчиво повторяется еще дважды, после чего в замке шебуршит ключ и хлопает входная дверь.

Женщина (со стоном): О, черт! - резко отпустив Юлика, она отшатывается вглубь комнаты, спешно запахивая на себе халат.

Юлик описывает широкую дугу, сбивая веревками висящие этажом выше сетки и больно ударяясь о перила соседнего балкона. Сетки, стукнувшись о стекло, которое со звоном лопается, летят вниз. Юлик пытается ногой задержать скользящую вдоль стены сетку с пакетами, но от этого из нее только вываливается содержимое и из раскрывающихся на лету свертков сыплются в кусты куриные тушки, головы, лапы и крылья. Одновременно на Юлика обрушивается град из яблок. Несколько штук падает в ведро с мастикой. Разбитое окно тотчас же раскрывается, и из него высовывается растрепанная женская голова.

Женская голова: Нет, ты посмотри, что делается-то!.. Это ж надо, что творят, сволочи!.. Степан, скорей! Ты посмотри, что творится!

Юлик хватая кисть, макает ее в мастику и начинает деловито промазывать шов, хотя в этом месте он уже заделан. В окне появляется похмельный бородатый мужчина с секатором в окровавленных руках.

Мужчина: Что же ты, сука, творишь-то?!.. Я тебе, блядина, сейчас все шнуры твои пообрезаю! Измазали тут весь дом говном каким-то, вонища - ни пройти, ни проехать!..

Мужчина пытается дотянуться до веревок, но они от него далеко. Прорывав что-то угрожающее, он скрывается в окне, откуда продолжают доноситься женские причитания. Освободив веревки, Юлик начинает быстро спускаться вниз, спешно минуя оставшиеся этажи.

КРЫША ДОМА:

Из распахнувшейся чердачной двери, в забрызганном кровью фартуке и с секатором в руках, бородатый мужчина выскакивает на крышу. Не замечая застывших от ужаса женщин, вновь занявших облюбованное место, он бросается к протянувшимся над крышей веревкам и начинает яростно кусать их секатором. Это не дает никакого эффекта. Тогда он пытается рубить их со всего размаху. Случайно, он сильно ударяет себя секатором по руке. Мгновенно остановившись и бросив секатор, он бледнеет и, неотрывно глядя на заполняющуюся кровью рваную рану, быстро идет в сторону чердачной двери, так и не заметив женщин, в оцепенении следящих за его действиями.

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ. АУДИТОРИЯ КАФЕДРЫ АРХИТЕКТУРЫ.

Большая аудитория-амфитеатр едва на четверть заполнена слушателями. По бокам аудитории и на ее стенах расставлены и развешены градостроительные проекты и макеты городов будущего. Через большие окна пыльными лучами внутрь проникает яркое дневное солнце, пригревая немногочисленных студентов и студенток пятого курса. Девушки вяжут, смотрят журналы мод, красят друг другу ногти, читают. Два парня грызут семечки и листают огромный цветной альбом по архитектуре. Двое других играют в нар-

ды. Один из студентов срисовывает с чьих-то работ эскизы обнаженной натуры, время от времени складывая листы вместе и проверяя на свет схожесть силуэтов. Кто-то спит, лежа на сдвинутых вместе задних стульях. На предпоследнем ряду сидит Володя. Перед ним на столе два полиэтиленовых мешочка. В одном из них лежит содержимое подушки - смесь пуха и пера. Володя методично отделяет от перьев пушинки и аккуратно складывает их в другой мешочек. На преподавательском стуле висит клетчатый пиджак профессора геологии.

Голос профессора: Соленные морские ветры, а также повышенная солнечная радиация способствуют эрозии и дальнейшему разрушению скальных пород в гораздо большей степени чем, скажем, наступление моря на сушу...

Студент с последнего ряда просыпается, сладко зевает, недоуменно протирает глаза, перегибается через стол и что-то негромко спрашивает у сидящих впереди. Те прыскают со смеху, в том числе и Володя. Из-за этого в нос ему попадает пушинка, и он сильно чихает несколько раз подряд, падая лицом в свои мешочки, отчего пух из них разлетается огромным облаком по аудитории. Сидящие рядом тоже непроизвольно начинают чихать вслед за ним. Прервавшись на полуслове, профессор оборачивается и удивленно замолкает. Побросав свои дела, все остальные студенты начинают громко и беззастенчиво смеяться, откровенно радуясь идиотской ситуации. С минуту понаблюдав за происходящим, профессор снова поворачивается к доске, на которой в левой части уже знакомой нам картины нарисован плывущий по морю парусный корабль, и, как ни в чем не бывало, продолжает:

- Если вам доводилось когда-либо бывать в Крыму, вы могли наблюдать, к примеру, следующую картину...

КРЫМ. ЯЛТА. НАБЕРЕЖНАЯ ПОРТА.

Вечерняя сумеречная набережная порта. Пустынно. У причала одиноко стоит освещенный яркими огнями белоснежный лайнер с латинскими буквами на борту. На палубах ни души, только из репродукторов раздаются громкие звуки оркестра, аккомпанирующего певице, исполняющей бойкую немецкую песню. На редких скамейках - немногочисленная публика, отдыхающая в межсезонье, в основном пожилые люди. Сняв шляпы и отложив в сторону костыли и палочки, они слушают немецкую речь, смотрят на море и на иллюминированный иностранный корабль.

В стороне дымит небольшой мангал, возле которого ожидает шашлыков тихая, человек в шесть, очередь. Бесцеремонно отеснив стоящих, к прилавку подвигается толстый небритый кавказец в адидасовском костюме. Вытянув руку в сторону свежеприготовленных порций, он обращается к хозяину мангала, вяло шевеля тремя пухлыми волосатыми пальцами в золотых печатках:

- Гоча, мне «троечку», пожалуйста.

Под высокой металлической опорой канатной дороги стоит тускло освещенный пустой вагончик. Возле открытой двери салона прохаживается, заложив руки за спину, сопровождающий в фуражке с околышками. По лестнице шумно поднимается веселая хмельная компания, человек в десять: солидные, слегка раздобревшие мужчины лет за сорок и холеные увядающие женщины в сногшибательных вечерних туалетах и золотых украшениях. Одна из них ведет на серебристом поводке огромного пятнистого дога. Со смехом они заваливаются в салон вагончика, слегка покачивающегося под их тяжестью.

Сопровождающий (несколько подобострастно и манерно): Прошу минуточку внимания, господа!.. По нашим последним метеосводкам сюда идет необычайно мощный Северо-Восточный циклон. В мои обязанности входит предупредить вас об этом. Если он достигнет нас во время нашей экскурсии, то там, наверху, - он указывает рукой куда-то в небо, в темноту, - станет очень холодно, быть может, даже выпадет снег... Я бы настоятельно советовал вам взять с собой какие-нибудь теплые вещи, если они, конечно, имеются у вас в наличии. В особенности это касается ваших нежных дам.

Слова сопровождающего приводят женщин в радостное возбуждение:

- О-о-о! Снег! Какая прелесть!

- Это будет очень романтично...

- Вот видите, Верочка, а вы так огорчились, что не успеете попрощаться с зимой.

Мужчина с бутылкой коньяка в руке игриво щелкает по ней пальцами:

- Шеф, а внутреннее разве нас не спасет, а? Как вы думаете?

Сопровождающий безразлично пожимает плечами:

- Не знаю, господа, решайте сами... Мое дело вас предупредить.

Мужчина: Тогда три секунды, шеф... Павлик, Боренька, - он обращается к двум самым молодым своим товарищам, - пулей! Туда и обратно.

Те сбегают по ступенькам на небольшую асфальтированную площадку, распахивают дверцы двух белых «Волг», извлекают оттуда ворох песцовых шуб, дубленок и лисьих шапок и бегом возвращаются с ними в салон. Сопровождающий задвигает дверь. Раздается короткий звонок. Дернувшись, перегруженный вагончик, слегка пружиня, начинает подниматься вверх по склону, проплывая между аккуратно подстриженными кипарисовыми деревьями.

КРЫМ. СКАЛА АЙ-ПЕТРИ.

Огромное, отслоившееся от стены, каменное перо торчит черным силуэтом на фоне густо-синего вечернего неба, кроваво освещенного последними лучами заходящего солнца. Застрявший между пером и скалой камень заткнул, как пробка, образовавшуюся глубокою расщелину. Острая вершина пера несколько раз обмотана изношенной веревкой, на которой висят связанные за шнурки растерзанные кроссовки, пара лысых истончившихся узконосых галош, несколько карабинов и каска, прищелкнутая за петлю ремешка. Вторая веревка постелена зигзагом на пробку, под тонкий белый полиуретановый коврик, на котором, тесно прижатые друг к другу с боков скалой и пером, лежат Андрей и Валера. Каждый из них продел по одной руке в рукава пуховой куртки, тщательно подоткнутой с боков, а свешивающиеся вниз ноги засунуты в рюкзак, подвешенный к скале. Андрей лежит на боку, положив голову в каске на каменный выступ и глядя прямо перед собой. Его лица почти не видно, торчит только нос и вспыхивающий во время очередной затяжки кончик сигареты. Валера, вывернувшись на живот и подперев подбородок свободной рукой с зажженной сигаретой между пальцами, слегка свесившись, смотрит вниз. На голове у него круглая вязаная шапочка и болониевый капюшон от куртки.

Дует ровный сильный ветер. Далекий полукруглый серебристый горизонт моря еще освещается солнцем, а земля внизу уже затянулась мглой, сквозь которую мутно проступают бледные огни Ялты и ее городов-спутников, соединенные между собой пунктиром дороги, идущей вдоль самого берега.

Андрей: Ну и холодина сегодня...

Валера: Это муссон... Теплый ветер тибетского нагорья...

Андрей: С чего бы это?

Валера: Ясно, с чего, - он затягивается сигаретой, - к нам едет Сережа Борисович, - жди холодов, ураганов, травм, землетрясений... Ночью снег пойдет, помяни мое слово!

Андрей (смеется): Лишь бы войны не было...

Их разговор прерывается криками птиц, стайей пролетающих мимо. Они молча следят за ними, пока те не скрываются за поворотом скалы.

Андрей: Они уже давно спят, наверное... Поезд их укачивает, им снится теплая морская волна, пальмы, жаркий белый песок... И они улыбаются во сне...

Валера: Ну да, как же, спят... Они пулю пишат! - он стряхивает пепел с сигареты. - Сидят в купе и режутся с утра до ночи...

КРЫМ. ШОССЕ СИМФЕРОПОЛЬ-АЛУШТА. АНГАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ.

Ночное пустынное шоссе укрыто глубоким слоем нетронутого снега. Ветви обступающих дорогу деревьев согнуты под тяжестью крупных белых хлопьев. Утопают в сугробах крутые каменистые склоны. Покрывают инеем провода, столбы, дорожные знаки и стрелки указателей. Крошечная белка аккуратно пробирается по толстой еловой ветке и осторожно заглядывает в круглый зеркальный знак «Обгон запрещен». В этот момент в нем, внезапно, отражаются две яркие фары. Белка испуганно убегает.

Из-за поворота выныривает тускло освещенный изнутри одинокий заснеженный троллейбус, вдоль и поперек разрисованный рекламными пляжными картинками, и деловито прокладывает себе дорогу по гладкой поверхности белоснежной целины. Временами, пробуксовывая в вязком снегу, он застревает на одном месте и надрывно взывает, неимоверными усилиями пытаясь выбраться из очередной снежной западни.

САЛОН ТРОЛЛЕЙБУСА:

В салоне троллейбуса, вольно раскинувшись на двух десятках сидений, спят молодые люди, укрывшись куртками, одеялами и спальными мешками. Среди них - Сергей, Юлик, Татьяна, Володя, - остальные нам пока еще не знакомы. Их полураспакованные рюкзаки свалены в проходе, смотанные бухтами веревки, сумки и вынутые вещи разбросаны на свободных местах.

От очередного толчка и завывания одна из девушек просыпается, поднимает голову, привстает на сиденье и сонно выглядывает в окно. За стеклом проплывают укрытые шапками снега темные ели и гигантские сугробы - настоящая рождественская ночь. Решив, что это ей снится девушка улыбается, укладывается обратно на сиденье, еще плотнее закутывается в толстое домашнее байковое одеяло, устраивается поуютнее и снова погружается в сон.

КРЫМ. ШОССЕ АЛУШТА-ЯЛТА. ПОСЕЛОК НИКИТСКОЕ.

Знакомый нам, расписанный пляжной рекламой, но уже опустевший, троллейбус быстро несется под гору по чистому сухому асфальту шоссе. Навстречу ему по кромке дороги не спеша бегут спортсмены в легких футболках и спортивных трусах. За тонкими южными тополями мелькает ровная синяя поверхность моря. Спортсмены пробегают мимо рюкзаков, сумок и веревок, сваленных кучей на пустынной остановке с большой бетонной надписью «Никитский ботанический сад». Камера останавливается на груде вещей. Из-за кустов, с освещенной солнцем поляны, доносятся усталые мужские голоса:

- Кто сдает?
- Вовик.
- Дай сюда... Та-ак. Сними...
- Раз.
- Пас.
- Два.
- Три.
- Четыре...
- Пас.
- Семь вторых...

КРЫМ. ПОСЕЛОК НИКИТСКОЕ.

По узкой дорожке, проложенной между глухих высоких оград, из-за которых свисают зеленые ветви деревьев, поднимаются Саша и Светлана. Саша - невысокого роста, крепкий, с античным профилем, темными волосами и черными глазами. Светлана - тонкая, на пол головы выше него, смешливая, курносая, с веснушками, ямочками на щеках и двумя несерьезными белобрысыми косичками. Это та самая девушка, которая просыпалась ночью в троллейбусе. Всматриваясь в нарисованный на листке бумаги план, они то и дело останавливаются и озираются по сторонам. Наконец, толкают какую-то малозамет-

ную калитку и входят во двор. Поднявшись по каменной лестнице мимо изящного двухэтажного домика, утопающего в усыпанных розовыми цветами абрикосовых деревьях, они попадают в небольшой сад и, пройдя его насквозь, оказываются возле одиноко стоящего в стороне кособокого одноэтажного строения с маленькой верандой и низкой дверью. Дверь оказывается запертой. Светлана легонько стучит в стекло веранды, всматривается вглубь дома, прислушивается. Саша громко и бесцеремонно колотит ногой в дверь. Никто не отвечает.

Возле домика под цветущей яблоней стоит круглый деревянный стол, накрытый клеенкой, в углублениях которой скопились лужицы росы. На столе лежат чистые, перевернутые вверх дном белые тарелки и несколько аэрофлотовских чашечек. Они присаживаются к столу на два влажных стула, смотрят на море. Солнце, проходя через ветви яблони, отбрасывает на белой штукатурке стены расплывчатый, слегка колеблющийся узор. Тепло, безветренно.

Светлана: Так и сидела бы всю жизнь... - она машинально чертит пальцем на клеенке какие-то фигуры. Потом, внезапно, широко раскидывает руки в стороны и начинает кричать во все горло, - Один раз в год са-ды цветут!..

Саша (смеется): Дура, что ли? Сейчас хозяев разбудишь...

Светлана: Плевать! Хозяева на работе! - она патетически простирает к нему руки. - Весной лю-бви один раз ждут!..

Продолжая смеяться, Саша немного отстраняется от нее:

- О, смотри, - записка, - он вынимает прижатый тарелкой влажный листок бумаги с привязанной к нему шоколадной конфетой.

Светлана: Конфета, чур, моя! - она разворачивает фантик и тут же отправляет конфету в рот.

Саша раскрывает записку и начинает читать ее вслух, с выражением:

- Дорогие друзья!.. Мы рады приветствовать вас на Южном Берегу Крыма! Ключи висят на гвоздике справа от двери. Еда кончилась вчера утром. Портвейн белый крымский, а также и красный крымский продается там же, где и всегда - в конце пляжа, вниз по лестнице в «Малом зале». Мы будем, наверное, сегодня во второй половине дня. Бухайте на здоровье! Как всегда ваши - Валера и Андрей.

КРЫМ. ПОДНОЖИЕ ГОРЫ АЙ-ПЕТРИ.

Серая стена Ай-Петри в тумане. Влажный сосновый лес. Мягкий ковер сухих коричневых иголок с редкими пятнами белых камней. Щебечут утренние птицы, журчит ручей. Сосредоточенно глядя под ноги, Валера и Андрей бегут вниз по склону, петляя между деревьями и перепрыгивая через упавшие на тропу сухие стволы. За плечами у Валеры рюкзак. Теперь видно, что Валера - маленького роста, очень плотный, с крупными чертами лица, большими ступнями и кистями рук. Возле прозрачного лесного родника они останавливаются. Жадно пьют, опустившись на колени.

КРЫМ. ОСТАНОВКА «НИКИТСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД».

По шоссе тянется бесконечная вереница машин. Со стороны поселка стоят, в ожидании просвета, Саша и Светлана. Светлана прижимает к груди охапку батонов, у Саши в руках и под мышками дюжина бутылок кефира. Они что-то кричат сидящим на остановке, но из-за шума их никто не слышит. Поток автомобилей усиливается еще больше. Устав держать бутылки, Саша опускает их на асфальт и присаживается на поребрик.

КРЫМ. ПОДНОЖИЕ ГОРЫ АЙ-ПЕТРИ.

Теперь рюкзак несет Андрей. По сухой грунтовой дорожке они идут мимо пустых виноградников с пожухлыми прошлогодними лозами. Выходят на верхнее шоссе, к безлюдной автобусной остановке с надписью «Ореанда». Андрей устало плюхается на траву

и прислоняется рюкзаком к бетонной стене будки. Валера блаженно растягивается на деревянной скамейке, закинув руки за голову. Далеко внизу синее море.

КРЫМ. НИКИТСКИЕ СКАЛЫ.

В глубокой расщелине Никитских скал еще лежит тень, а верхние лесистые гребешки уже освещены ярким утренним солнцем. Тихо, пустынно. Внезапный крик откуда-то сверху оглашает скалы:

- Бросаю-у-у!!..

Эхо множит звуки и разносит их вокруг. Быстро разматываясь, катится по скале клубок веревки. С противоположной стороны расщелины первому голосу вторит другой:

- Кидаю-у-у!!..

Летит вниз, раскручиваясь со свистом, бухта веревки.

Третий мужской голос: А-ха-ха-ха...!!

Бегут по скалам новые клубки веревок.

Четвертый мужской голос: О-хо-хо-хо...!!

Конец первой веревки шлепается на землю. Другая, не успев размотаться до конца, застревает в колючих кустах. Третья повисает в полуметре от земли, продолжая раскачиваться из стороны в сторону... И снова тишина, и никакого движения.

КРЫМ. ПОСЕЛОК НИКИТСКОЕ.

Возле остановки «Никитский ботанический сад» притормаживает порожний «КАМАЗ». Из кабины прыгивают Андрей и Валера и, перейдя через дорогу, поднимаются по живописному зеленому склону к узкому проходу в расщелину Никитских скал. Возле самого входа они замедляют шаги и, прячась за большим камнем, прислушиваются к доносящимся из расщелины звукам. Потом рывком выбегают на ровную площадку посреди расщелины и останавливаются, глядя на происходящее: паутина веревок оплетает скалы; человек десять, как тараканы, расползаются в разные стороны, вверх по вертикальным стенам; многочисленные нити, идущие от них, как от марионеток к кукловодам, сходятся в одной точке - внизу, в самом центре площадки, где, пригревшись на теплых камнях, сидят кучкой их разомлевшие на солнце напарники и о чем-то весело болтают между собой, время от времени поглядывая на своих подопечных и лениво выбирая каждый свою веревку.

Валера (внезапно и громко, на всю округу): Ага, попались! Лазаете?! - сидящие внизу испуганно оборачиваются в его сторону, несколько человек срываются со скалы. - А ведь здесь нельзя - заповедник! Сейчас всех в милицию сдадим! Охрана!! Быстрее сюда!!!

Он начинает залиvisto свистеть в два пальца.

ЛЕНИНГРАД. БОЛЬНИЦА ИМЕНИ БОТКИНА.

На койке, повернувшись лицом к стене, спит больной. За окном палаты раздается громкий свист, точно такой же, как и в предыдущей сцене. После небольшой паузы свист повторяется. Потом с улицы раздаются крики.

Первый мужской голос: Андре-ей! Андрюха-а!

Женский голос: Андрюша!

Второй мужской голос (требовательно): Куликов, отзовитесь! Мы знаем, что вы здесь!

Андрей резко садится на кровати. Накидывает поверх пижамы больничный халат, со сна не сразу попадает в тапочки. Подходит к окну и распахивает его. На дворе больницы - весна, всю светит солнце, поют птицы. Голые деревья отражаются в лужах. Внизу, на сухом асфальтовом островке посреди моря воды, стоят Саша, Светлана и Валера и, как потерпевшие кораблекрушение моряки, размахивают полиэтиленовым пакетом.

Валера: Сдавайтесь, Куликов! Соппротивление бесполезно - вы окружены!

Андрей: Ого, как вас много! Я тут сплю, не слышал ничего...

Светлана: Привет, больной!

Саша (толкая Валеру под локоть): Скажите, доктор, я умру?

Валера (радостно): А как же!!!

Светлана (смущенно): Дураки...

Андрей присаживается на подоконник.

Саша: Как самочувствие?

Андрей: Отлично!

Саша: Чем занимаешься?

Андрей: Валяюсь целыми днями на кровати, бездельничаю... Обещали уже выписать, да все тянут чего-то.

Валера: Так это уже точно, что не желтуха? А то тут человек пять обнаружили у себя подозрительные симптомы...

Андрей: Скажи, пусть не беспокоятся. Диагноз не подтвердился.

Светлана: Мы тут тебе фруктов принесли, - она демонстрирует пакет, - а дежурная не принимает. Говорит, нельзя вам.

Андрей: Да ну их!.. Нам уже давно все можно.

Валера: У тебя шнурок есть какой-нибудь?

Андрей: Сейчас, погодите... - порывшись в карманах, он извлекает оттуда моток белевой веревки, спускает один конец вниз. Ему подвязывают пакет. Он вытягивает его наверх.

Саша: Сумку только отдай.

Андрей вынимает из пакета апельсины, два парниковых огурца, несколько лимонов без кожуры и небольшого формата бумажный сверток, красиво перевязанный атласной ленточкой:

- Гран рахмат... А это что такое? - разглядывая сверток, он скидывает сумку вниз и она планирует в кусты. Саша на цыпочках, по грязи, пробирается за ней.

Светлана: Велено тебе передать - для поднятия самурайского духа.

Валера: Так ты на майские-то хоть придешь?

Андрей: Не знаю... Я приду, когда раскинет ветви...

Валера (смеется): Когда откинет ветви...

Светлана: Нинка не приходила сегодня?

Андрей: Приходила утром. Обещала еще зайти - после третьей пары, если успеет.

Светлана: Если придет, передай, пусть позвонит Ирине вечером, после десяти.

Андрей: Хорошо.

Саша: Ладно, Андрюха, мы пойдем - у нас билеты в кинематограф.

Андрей: Что за фильм?

Саша: А мы и сами не знаем. Костя дал три билета, говорит, все равно пропадают...

Андрей: Везет!

Светлана: Пока! Выздоровливай.

Валера: Ты постарайся хоть к лету-то выйти!

Андрей (смеется): Я попробую. Хотя от меня тут ничего не зависит...

Саша, Светлана и Валера идут к воротам больницы. По лужам, навстречу им, санитары катят накрытое белой простыней тело. Светлана испуганно оборачивается им вслед.

Сидя на подоконнике, Андрей очищает апельсин, одновременно развязывает атласную ленточку и раскрывает бумажный сверток. Сверху он обнаруживает почтовый конверт, жирным шрифтом на нем напечатано: «Пригласительный билет». Андрей извлекает из него сложенную вдвое самодельную открытку, на обложке которой нарисован тушью его карикатурный профиль. Он разворачивает открытку. Ясный звонкий восторженный женский голос за кадром читает написанное:

- Божественному Андрею ибн Анатолевичу... О, мой златокудрый повелитель! В благоуханном Самарканде, в знойное время третьего месяца лета, как цветок граната, рас-

пустилась любовь моя к тебе! О! Инжир Моего Сердца! Презируя опасность, я на крыльях дивной страсти прокралась в страну туманного севера, чтобы только на миг увидеть тебя, Урюк Дерева Моей Души!.. Двадцать седьмого мая, в семнадцать-ноль-ноль, у достопо- чтимой Ковалевой-байши явись, Божественный Юноша!.. Да продлит Аллах часы твоего обеда!

Как бы влезая в разговор, за кадром раздается еще один голос - деловой, мужской:
- Вход по пригласительным.

Улыбаясь, Андрей, с едой и посланиями, возвращается на кровать, забирается на нее прямо в тапках, устраивается поудобнее, подложив под спину подушку и, продолжая есть апельсин, разворачивает пакет дальше. От неловкого движения из него вываливаются несколько исписанных стихами листочков и рассыпаются по полу. Андрей поднимает самый ближний. На нем надпись: «А.С.Боткин. Поэма». Еще один мужской голос за кадром:

- Александр Сергеевич Боткин. Поэма.

Выждав необходимую паузу, голос за кадром начинает читать поэму. Мы слышим ее уже на следующих кадрах.

ДВОР В СТАРОМ РАЙОНЕ.

Солнце. Голые деревья. Старый двухэтажный свежоштукатуренный дом. Два мальчика с велосипедом (мы уже видели их в начале фильма). Только что они починили свою цепь и теперь испытывают велосипед на прочность. Старший брат, уже в который, наверное, раз, лихо проносится мимо младшего, обдав его водой из лужи. Младшему тоже нестерпимо хочется прокатиться. Он бежит некоторое время за старшим, пытаясь его остановить:

- Лефа, ну Лефа же!..

Где там! Брат уже далеко - мчится по аллее во весь дух, выпендриваясь, - отпустив руль и заложив руки в карманы.

Голос за кадром:

Наш дядя самых честных правил.
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

Младший брат хватает с земли кусок асфальта и швыряет вдогонку старшему. Он плачет от обиды, стоя прямо в луже.

Голос за кадром:

...Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая сука?!
(В столовке, видимо, ЛИСИ,
О, нас там, боже, пронеси)
Непропеченный пирожок
Или бифштекс полусырой
(Чей биф был отнесен домой)
Вам подложила - ешь, дружок!
Подумаю молча про себя:
«Пускай микроб возьмет тебя!»...

БОЛЬНИЦА ИМЕНИ БОТКИНА.

Андрей выходит за ворота больницы, стоит, засунув руки в карманы, вдыхает свежий весенний воздух, смотрит на голубое небо и редкие белые, похожие на горы, облака.

Голос за кадром:

...Или в лесах печальных Крыма,
После победы роковой,
Светилом яростным палимы

Устало вы брели домой.
И вдруг, в кустах у Ореанды,
Вас нить прекрасной Ариадны
Выводит к горному ручью,
И тут - я, право, не шучу,
Не разбирая, что? откуда?
В Тавриде раннею весной
Фонтан из-под земли струей?!
И, уповая лишь на чудо,
Ты к влаге с жадностью преник,
А злой микроб в тебя проник...

УЛИЦЫ ЛЕНИНГРАДА.

Андрей идет по шумному Староневскому. Звонит из телефонной будки - на том конце никто не берет трубку. Проходит, разглядывая витрины, Невский, потом Владимирский. То теряется в толпе, то появляется снова. Сворачивает на Загородный, с него на Московский, потом на Вторую Красноармейскую улицу.

Голос за кадром:

...Судьба... она не разбирает
И даже лучших из мужей
Порой жестоко поражает
Десницей властною своей.
Ты сам во младости далекой,
Сестрой смущенный светлоокой,
Свой жребий радостно избрал
И с той поры с огнем играл.
А эти Боткина палаты -
Не худший жребий; как-нибудь
В забвенье Леты канет муть
Уколов, клизм, диет, халатов.
Да пусть не истребит зараза
В тебе студента - стенолаза!

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ.

Андрей заходит в высокую дверь стеклобетонного архитектурного корпуса. Поднимается по лестнице. С кем-то здороваются, кому-то кивает. Возле подоконников толпятся богемного вида продуманно-небрежно одетые студенты и студентки - архитекторы: свитера, бороды, длинные волосы, сумки от противогазов через плечо, глубокомысленные разговоры, сигаретный туман. Андрей в раздумье останавливается перед своей родной аудиторией, с надписью «2-А-5», и прислушивается к доносящимся оттуда звукам. Поколебавшись некоторое время, он толкает дверь и заходит внутрь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – ГОРОД.

СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ.

Негромко играет магнитофон. В глубине аудитории гремит хорошо поставленный бас преподавателя. Желая остаться незамеченным, Андрей быстро ныряет в узкое пространство между высокими стеллажами. Там уже сидят три девушки и два парня. Все они усердно - каждый на своем подрамнике - покрывают яркими красками фасады замысловатых коттеджей. Молодой человек у окна первым замечает Андрея:

- Ка-кие люди!

Андрей (шепотом, грозя ему кулаком): Тише!

Однако бас преподавателя уже неотвратно приближается. Андрей, на ходу здороваясь, перелезает через столы и стулья и усаживается на высокий табурет напротив своего девственно-белого подрамника, едва тронутого неясной сеткой карандашных линий. К подрамнику приколота записка. Андрей отрывает ее, торопливо разворачивает.

Голос Володи (за кадром, скороговоркой): Билеты на тебя заказаны. Зайди на Бойцова. Володя.

В это время из-за угла выплывает преподаватель. У него правильные, но мелкие черты лица, ухоженная седая бородка и аккуратно расчесанные на пробор волосы. Небольшой животик выпирает из джинсовых брюк, рукава рубашки закатаны по локоть. Андрей поспешно прячет записку.

Преподаватель (громко, на всю аудиторию): Кто к нам пожаловал! Господин Куликов! Очень, очень рады!

В проемах стеллажей появляются любопытные физиономии студентов. Одни жестикулируют приветливо, другие угодливо хихикают, третьи корчат рожи за спиной преподавателя.

Преподаватель: Какими судьбами? Вернее даже будет спросить, какими горными ветрами занесло вас в нашу скромную тесную мастерскую на уровне Балтийского моря? Должно быть, проездом из Гиндукуша в Каракорум решили, так сказать, осчастливить своим посещением? Что ж, премного, премного благодарны!.. Ну-с, поведайте нам, хилым, так сказать, жителям равнин, где вы были все это время? Что видели? Какие, так сказать, новые вершины покоряли? Мы все тут, я думаю, с удовольствием вас послушаем!

Раздается несколько смешков. Андрей молчит, глядя в окно.

Преподаватель: Ну-с, не будьте же таким гордым, господин Куликов! Снизойдите до разговора с нами, грешными... Земными, так сказать, людьми.

Андрей: Я болел...

Преподаватель: Ах, вот оно, оказывается, что! Вы болели? Что-то не похоже по вашему цветущему, загорелому лицу... Однако, какой же вы, оказывается, нежный, болезненный юноша... Надо быть осторожнее! Надо беречь свое здоровье!.. И чем же это вы болели, если не секрет? Надеюсь, у вас есть справка?

Андрей: Есть...

Преподаватель: Это, конечно, хорошо, что у вас есть справка, очень хорошо! Без справки разговор с вами был бы, конечно, уже совсем другой... Но она, мне думается, вряд ли поможет вам сдать к сроку курсовой проект... А? Что вы думаете по этому поводу?

Андрей: Не знаю... Я попробую успеть... Я постараюсь как можно быстрее...

Преподаватель (перебивает): Он постарается!.. Как это мило с вашей стороны, как благородно!.. Однако, как же это вы, интересно знать, попробуете успеть, когда, вон, ваши товарищи, - преподаватель жестом окидывает аудиторию, - уже два месяца кряду, изо дня в день, не жалея, так сказать, живота своего, допоздна тут сидят, выкладываются, многие уже второй этап сдали, а вам еще до эскиза только месяц, в лучшем случае, добираться?! И то, только, если вкалывать с утра и до вечера... Вы что же думаете, что вот так вот, не бей, так сказать, лежачего, без консультаций с преподавателями, без поправок, сами по себе, вдруг возьмете и создадите что-нибудь удобоваримое? Новое, так сказать, слово в архитектуре? Сомневаюсь, очень сомневаюсь! Здесь вам не равнина, Куликов, здесь климат иной!

Преподаватель с трудом протискивается вплотную к Андрею:

- Вот это у вас что?! - жирным карандашом он обводит небольшую группу тонких линий внизу подрамника.

Андрей: План первого этажа...

Преподаватель: Это, родной мой, свиноматка какая-то, а не план! - студенты за стеллажами начинают давиться от смеха. - А это?

Андрей: Эркера...

Преподаватель: И как вы это себе конструктивно представляете, интересно знать? Дайте линейку, - он обращается к соседу Андрея, тот дает ему линейку.

Преподаватель измеряет какое-то расстояние на плане:

- Так, это у вас сотка... Значит консоль получается три метра. Да вас же строители засмеют, Куликов! - он что-то размашисто перечеркивает на листе и передвигается взглядом выше по подрамнику. - Где фасад?

Андрей указывает в левый верхний угол:

- Вот и вот...

Преподаватель: Так вот это фасад, или вот это?!

Андрей: Это боковой, а это главный...

Преподаватель: Та-ак... А север у вас где?

Андрей указывает какое-то направление на листе.

Преподаватель: А это что?

Андрей: Спальная зона...

Преподаватель: Спальная зона?!.. И вы хотите сказать, что солнца будет достаточно?!

Андрей: Мне кажется, достаточно...

Преподаватель: Ему кажется! Ха!.. Ну, просто детский сад какой-то!.. Вот именно, что кажется!.. Дорогой мой, да в вашей спальне мужик бабу днем с огнем не сыщет!

За подрамниками раздается дружный взрыв хохота.

Преподаватель: В общем, вот что, Куликов... В связи со всем уже сказанным, я думаю, что мы не сможем принять ваш проект даже в том случае, если каким-нибудь волшебным образом он вдруг появится к положенному сроку.

Засунув карандаш в нагрудный карман рубашки, преподаватель выбирается в проход. К нему тут же подсакивает худенькая девушка, на протяжении всего разговора ожидавшая за подрамниками, и, заглядывая в глаза, начинает без умолку щебетать:

- Владимир Алексеевич, вы не посмотрите мою перспективу? Я уже сделала еще три разреза, но, может быть, надо четыре? Мне кажется, это лучше даст понять ту компоновку гостиной и спальни, о которой вы вчера говорили...

Преподаватель: С удовольствием, Ирочка, с большим удовольствием! - как бы невзначай приобняв девушку за талию и прижав ее к себе, он идет вслед за ней в другой конец аудитории.

Андрей сидит на стуле, тупо уставившись в свой исчерканный карандашом лист.

Сосед: Не дрейфь!

Андрей: А! К черту, - он вяло и безнадежно машет рукой.

Сосед: У тебя что, правда есть справка?

Андрей (зло): Да я только что из баракров! Разве не заметно?!

Сосед: Да, честно говоря, не очень... Одна?

Андрей: Что одна?

Сосед: Справка.

Андрей: Одна, конечно. А сколько же?

Сосед: Надо всегда брать две справки.

Андрей: Зачем это?

Сосед: Потому что, когда в деканате они будут твою справку в бешенстве рвать на кусочки, у тебя всегда останется второй целый экземпляр...

К Андрею подходит плотная, невысокого роста девушка в очках, одетая в синий строгого покроя костюм:

- Куликов, тебя вызывают в деканат.

Андрей: Да? Не может быть... Ты ничего не путаешь?

Староста (не обращая внимания на ответ Андрея): И еще - специально для тебя, поскольку ты не был вчера на собрании: первого мая встречаемся в восемь утра у института.

Андрей: Я не смогу.

Староста: А ты никогда не можешь! Мне уже надоело все время из-за тебя по шее получать! Сказали, что будет представитель с кафедры, и что будут считать всех по головам и отмечать, кого нет. Так что отложи, пожалуйста, все свои важные дела и приди. Это ненадолго.

Андрей: Я же только что из больницы! Мне сейчас вообще лежать надо! У меня алиби, уважительная причина!

Староста: В общем, я тебе сказала, все слышали, - резко повернувшись на каблуках, она уходит.

Андрей берет со стола, заваленного грязными флаконами с тушью, красками и кисточками, газету:

- Твоя?

Сосед: Можешь взять...

Андрей встает и направляется к двери.

Сосед: Далеко?

Андрей: Пойду, кофе попью...

ЮСУПОВСКИЙ САДИК.

Андрей, с газетой в руках, проходит в решетчатые чугунные ворота Юсуповского сада, идет, озираясь по сторонам, мимо памятника Ленину и садится на одну из свободных скамеек. По соседству с ним расположились две старушки, пенсионеры сгрудились над шахматной доской. Молодые мамы парами, не спеша, катят по дорожкам коляски. Между деревьями, наперегонки с собаками, носятся дети. За невысокими кустами - пруд. Посреди пруда - остров. На заднем плане - серое здание заброшенного дворца. Андрей смотрит на часы. Потом раскрывает газету, рассеянно проглядывает выделенные жирным шрифтом заголовки.

Через некоторое время, справа от пруда, в конце одной из дорожек, идущей вдоль сетки, ограждающей хоккейную коробку, показывается группа бегущих спортсменов в ярких разноцветных ветровках и тренировочных костюмах. Андрей закрывается газетой, продолжая из-за ее края следить за приближающимися бегунами. Первыми мимо него, легко и быстро, проносятся два высоких худых парня. Следом за ними, тяжело дыша и отплевываясь - Сергей. После Сергея - разговаривая о чем-то между собой - Юлик и стройный бородатый мужчина лет тридцати пяти. В отрыве от них медленно бежит большая, человек в двенадцать, компания парней и девушек (многих из них мы уже видели в кадрах Крыма), и уже совсем последней - невысокого роста хорошенькая девушка с аккуратным, чуть вздернутым носиком, яркими пухлыми губами и хвостиком светлых волос, перетянутых черной резинкой. Подождав, пока девушка пробежит мимо, Андрей скручивает газету в трубку, встает со скамейки и устремляется вслед за ней. Догнав девушку, он некоторое время держится у нее за спиной, а затем, немного увеличив темп, пристраивается рядом. Девушка бежит, глядя прямо перед собой, полностью погруженная в свои внутренние ощущения, стараясь правильно и равномерно дышать. Андрей движется рядом, тоже глядя перед собой и также показательно дыша. Услышав постоянное сопение над ухом, девушка, наконец, оборачивается и видит рядом с собой сосредоточенно бегущего, в плаще и ботинках, Андрея. Она прыскает со смеху, тут же сбивается с дыхания и останавливается.

Нина (смеясь и задыхаясь одновременно): Андрюша! А я тебя и не замечала... Ты давно уже так?

Андрей: От Невы.

Он нежно обнимает ее и целует в щеку. Вдвоем они подходят к остальным, пытающимся в этот момент ходить по перилам невысокого, перекинутого через пруд мостика.

Андрей (издали): Кто эти мужественные люди?! Кто эти смелые ребята?!

Все: - О! Смотри-ка - Куликов!

- Здорово, циррозничек!

- Живее всех живых...

Андрей разом всех приветствует. Нина присоединяется к тренирующимся, которые возобновляют свои попытки хождения по перилам.

Альберт (бородатый мужчина): Ты едешь на майские?

Андрей: Честно говоря, не знаю, - они отходят на край мостика и останавливаются, облокотившись на перила, наблюдая за плавающими в пруду утками. Андрей закуривает. - Вряд ли... Я только что от Боткина... Долгов куча в институте...

Не устояв на перилах, рядом с ними спрыгивает Сергей:

- Да брось ты! Первый раз замужем, что ли? Возьмешь продление сессии, все нормально будет!

Андрей: Грозилась в этот раз не дать ничего.

Альберт: Андрей, надо ехать обязательно. Во-первых, ты заявлен, а менять состав уже поздно...

Андрей: Да ну, Алик, какие соревнования, о чем ты говоришь? Я же три недели валялся, ничего не делал... Зачем вы вообще меня туда вписывали? Нет, что ли, больше никого?

Альберт: Ерунда, поехали - там разберемся... Главное - проучаствовать. Иначе могут быть санкции с путевками на лето.

Андрей: Так для кого путевки-то? Вон - Антуан, Илюха, - он указывает в сторону ходящих по перилам, - пусть лезут и зарабатывают свои путевки...

Альберт: Ну, у вас-то опыта, все-таки побольше... К тому же тот, кто войдет в первую двадцатку, имеет шанс попасть в сборную. Вам сейчас вообще нужно как можно чаще показываться на глаза.

Андрей: Да куда уж чаще...

Альберт: Ну, все равно! В конце концов, просто отдохнем там, в футболчик поиграем. Поехали! - он поворачивается к остальным, хлопает в ладоши. - Давайте разоვნемся слегка!

Все встают в круг.

Андрей: Пока!

Юлик: Ты едешь сегодня?

Андрей: Я подумаю еще.

Сергей: Боишься рецидивов?

Юлик: Чего тут думать, поехали!

Андрей уходит к воротам парка. Все начинают сосредоточенно размахивать руками, повторяя движения вслед за Альбертом. Деловито покуривая папироски, мимо проходят два шпаненка, лет десяти, с грохотом волоча за собой большой ржавый жестяной лист. (Они из той самой компании, которая в начале фильма должна была искать утонувшего сына безумной старухи). Один из них вбегает в центр круга и начинает передразнивать движения разминающихся. Видя, что никто не обращает на него никакого внимания, он входит в раж и, выпендриваясь, самозабвенно размахивает руками и ногами, едва не задевая окружающих. Высокий худой парень останавливается и внезапно строго и громко окликает его:

- Из какой ты школы?!!

Присев от неожиданности, пацан мгновенно выбегает из круга и скрывается за кустами, провожаемый дружным смехом. Его приятель бежит вслед за ним.

ПЕРЕУЛОК БОЙЦОВА. ОБЩЕЖИТИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ФАКУЛЬТЕТА.

Проходными дворами Андрей попадает на переулок Бойцова и входит в общежитие. На вахте дорогу ему преграждает толстая, что-то дожевывающая, старуха-дежурная, властно требуя пропуск. Ни слова не говоря, Андрей выходит обратно на улицу, огибает

здание, запрыгивает на пожарную лестницу и, поднявшись на уровень третьего этажа, привычно влезает в гостеприимно распахнутое окно туалета.

КОРИДОР ОБЩЕЖИТИЯ:

Андрей идет по длинному широкому коридору мимо общих кухонь и раскрытых дверей комнат. Со всех сторон гремит музыка. Девушки в халатиках носят кастрюли с борщами и тазы с бельем. Молодые люди в драных тренировочных штанах и войлочных тапках курят, облокотившись на перила лестницы. Арабы, с мокрыми головами и полотенцами через плечо, поднимаются из душа. Мальчик, лет четырех, с коркой засохших под носом соплей, катается по коридору на трехколесном велосипеде. Из нескольких комнат зовут Андрея в гости, но он отказывается, говорит, что спешит. Почти столкнувшись с Андреем, из какой-то двери выходит высокий курчавый парень с глазами навывкате и носом горбинкой:

- Привет, Андрон, спичками не богат?

Андрей достает спички, парень прикуривает.

Андрей: Чертишь?

Парень: В каком-то смысле, - предварительно сдув мусор, он присаживается на заплыванный подоконник.

Андрей проходит в самый конец коридора, открывает крайнюю дверь и скрывается в комнате.

КОМНАТА ВОЛОДИ:

Орет магнитофон, работает радио. В комнате две кровати и стол. Два парня, стоя по краям одной из кроватей, пробивают молотками дыры в стене и тянут в соседнюю комнату телевизионную антенну. Летит пыль, сыплются на покрывало куски штукатурки. На этой же кровати, в круге света от настольной лампы, Володя, в позе Будды, читает книгу и что-то выписывает в тетрадку. Длинноногая девушка в шортах и футболке навывпуск готовит на столе салат. Володя приветственно машет Андрею. Андрей присаживается на край покрывала:

- Мой сын - как Пушкин: читает - пишет, читает - пишет...

Володя: А мой - как Ленин: тюрьма - ссылка...

Андрей: А где Нгуен? - он кивает на пустующую койку, над которой приклеены на стене вырезки из журналов с видами Вьетнама.

Володя: Как обычно... Сдал все досрочно и поехал домой на каникулы. Не то, что мы...

Андрей: Воевать?

Володя: Да нет, вроде. Там уже все нормально - мир, дружба, фройндшафт...

Андрей: Брудершафт.

Володя (смеется): Во-во, что-то вроде этого... Скупил весь рис в окрестных магазинах, сел на велосипед и поехал.

Андрей: Ну что, какие новости?

Володя: На нас уже заказали билеты на двадцатое июня. Они будут у Юры, в «Буревестнике».

Андрей: Как на двадцатое июня?! Но ведь двадцатого же собиралась вся основная банда ехать, а мы на две недели позже!

Володя: Там что-то у них поменялось. Теперь они едут, кажется, седьмого.

Андрей: Черт побери! - он огорченно откидывается на спинку кровати. - Двадцатое - непосильный срок. Как всегда! Даже не знаю, что и делать! Все навалилось разом. И в институте тоже. Преподы все как с цепи сорвались...

Володя: Ну, до двадцатого-то время есть еще - полтора месяца...

Андрей: Да нет уже времени! Не понимаю даже, в чем дело. Вроде пятый курс уже...

Володя: Да все нормально будет! Куда они денутся? План по специалистам пока еще никто не отменял. Если они тебя до сих пор еще держат, значит это кому-нибудь нужно...

Андрей (смеется): Думаешь? Ну ладно, мне пора уже. Ты едешь?

Володя: Еду, конечно.

Андрей: Что-то не заметно по тебе.

Володя: Так мне тут два шага ступить. А ты?

Андрей: Не знаю пока, думаю еще. Галоши мои у тебя?

Володя: Я уже взял.

Андрей: Ну, хорошо... Мишку тут у вас встретил в коридоре.

Володя: Какого? Бураго?

Андрей: Да нет - из первой группы. Он что, скрывается от очередных алиментов?

Володя: Да он тут живет, у Лариски. Уже с полгода, наверное.

Андрей: У какой Лариски? У Депутатовой, что ли? Так она же там не одна в комнате. Их там, вроде бы, четверо, или даже пятеро...

Володя: Значит, теперь их уже шестеро.

Андрей (смеясь и разводя руками): О времена! О нравы!.. Ну ладно, я побежал.

Девушка: Может, поужинаешь с нами?

Андрей: Не, Галка, спасибо, как-нибудь в другой раз. Опаздываю уже.

КОРИДОР ОБЩЕЖИТИЯ:

Курчавый парень все еще курит на подоконнике.

Андрей: Будь здоров, Михаил!

Парень: Ты тоже не болей!

Андрей быстро проходит по опустевшему коридору и сворачивает вниз, на лестницу. Парень гасит сигарету о низ подоконника, выбрасывает окурки в окно, слезает на пол и подходит к двери в комнату, прислушивается. За дверью ни звука. Он открывает дверь, входит внутрь и щелкает замком.

КОМНАТА ДЕВУШЕК:

В комнате сумеречно. Сквозь щели в шторах пробивается бледно-голубой свет от фонарей с улицы. На пяти кроватях, затаившись, лежат девушки. Никто из них не спит - это чувствуется по напряженному дыханию и какой-то особенной выжидательной тишине. Парень, не спеша, по хозяйски, оглядывает кровати, потом начинает расстегивать рубашку:

- Ну что, куда тут ложиться?

КВАРТИРА АНДРЕЯ.

Вымокший Андрей заходит в прихожую, кидает влажную куртку на вешалку. Около двери, перегораживая коридор, лежат два рюкзака, огромный, завернутый в коричневую бумагу, куль, перевязанный бечевкой, стоит грязная обувь, несколько курток сушатся на стульях. Из двери маленькой комнаты выходит Нина:

- Привет!

Андрей: Погода такая мерзкая... Чего это у тебя такой грустный вид?

Распахивается дверь большой комнаты. Из нее вываливаются Валера и Саша.

Валера: Где тебя носит? Мы уже два часа тут торчим! Ну, ты едешь?

Андрей: Нина, что это за люди? Что они делают в нашей квартире?

Саша: А мы тут пьем и дебоширим.

Нина: Они телевизор смотрят.

Андрей указывает на куль:

- А это что такое?

Саша (загадочно): Музыка.

Андрей: Шарманка, что ли?

Саша: Секрет. Поехали с нами - тогда узнаешь.

Андрей: Там дождь сильный - бумага вымокнет.

Саша: А я ее выброшу потом.

Андрей: «Овод» показывали уже?

Саша: Только что вторая серия кончилась.

Андрей: Ну и как, ты увидел себя? - через открытую дверь комнаты он приветствует сидящих на диване, напротив телевизора, родителей. - Пошли на кухню.

Они перемещаются в кухню, садятся за стол. Нина зажигает плиту, ставит чайник.

Саша: Ни тебя, ни себя. И вообще ничего, даже близко похожего.

Валера: Эпизод в фильм не вошел. Его, наверное, вырезала цензура. С такими-то рожами...

Саша: Какие там рожи?! Там ночь должна быть, факела на скалах!

Нина: Ничего, на праздниках будут остальные серии показывать, я посмотрю, потом вам все расскажу.

Андрей (удивленно): Разве ты не поедешь?

Валера: Нина плохо себя чувствует.

Андрей: Серьезно?

Нина: Ну, я тебе потом объясню... Есть будете?

Андрей: Будем, конечно.

Валера: Куда есть, уже бежать надо! Короче, ты едешь, или как?

Андрей: Или как... Не знаю... Погода не очень... Дел куча...

Валера: Какие такие дела?! Бросай все, поехали! Два дня погоды не сделают! - все начинают смеяться.

Андрей (после некоторых колебаний): Нина, так я поеду?

Нина: Чего это, вдруг, с тобой случилось? Спрашивать начал... Естественно нельзя! Уже поздно, и к тому же дождь.

Саша: Это он еще не совсем выздоровел.

Валера: Отлично! Я тогда иду ловить машину, жду вас внизу. Давайте быстрее.

Нина: Возьми пирога с собой.

Валера: Давай, - он берет кусок пирога, надевает рюкзак и просовывается в большую комнату. - До свидания!

Отец Андрея: Всего хорошего, Валера!

Мать Андрея: До свидания, Валера! Заходите к нам еще, можно без повода.

Валера: Обязательно!

Хлопнув дверью, он выходит из квартиры.

НА УЛИЦЕ:

Моросит нудный дождь. Валера выходит на проезжую часть и, вытянув руку, начинает голосовать проезжающим такси. Блестя фарами, машины, одна за другой, проносятся мимо.

ВАГОН МЕТРО.

Полупустой вагон метро раскачивается из стороны в сторону. Развалившись на сиденье, спит заросший щетиной пьяный молодой человек. Напротив него, брезгливо поджав ноги, выпрямив спину и гордо отвернув голову, - высохшая дамочка лет сорока в шляпке. На соседних сидениях - непроницаемого вида военный, старик в очках на мясистом красном носу и три смешливые девицы лет двадцати, которые все время о чем-то негромко переговариваются и постоянно хихикают.

На очередной станции в вагон входит крепкого сложения мужчина в промокшей штормовке, с небольшой лысиной на голове и развевающимися вокруг нее влажными вихрами. С ним две девушки в резиновых сапогах. Скинув рюкзаки, они останавливаются в

проходе. Захлопнув двери, поезд устремляется в тоннель. Перестав болтать и даже слегка подавшись вперед, девицы на сиденье с веселым любопытством начинают нахально глядеть на шерстяное, в обтяжку, спортивное трико на ногах мужчины, на котором, вместо лампасов, вышиты желтыми нитками какие-то слова.

Девицы: От Светланы, Лены, Татьяны, Нины, Лены и Ирины. Ого!

Заметив, что его штаны привлекли внимание, мужчина, отработанным движением манекенщицы, разворачивается к ним другим боком, красиво изогнув ногу и чуть приподняв край штормовки, закрывающей окончание фразы. Девицы прыскают и вслух читают продолжение надписи:

- Эдику Рахимову от поклонниц из ЛИСИ.

ФИНЛЯНДСКИЙ ВОКЗАЛ.

Последняя электричка с темными окнами стоит, раскрыв двери, на перроне.

ВАГОН ЭЛЕКТРИЧКИ:

Распахнув дверь тамбура, на пороге застывает чья-то фигура. В глубине вагона такие же неясные, едва различимые во мраке, фигуры полулежат на скамейках.

Человек от двери: Я туда попал?

Фигуры: Туда, Костя, туда.

Нетвердым шагом человек пробирается по проходу, скидывает на пол рюкзак, присаживается на сиденье.

Фигуры: Как подача?

Костя: Успел, - он достает из бокового кармана рюкзака полупустую бутылку вина, гулко в тишине чмокает пробкой. Несколько фигур заметно оживляются. Костя делает пару глубоких глотков из горлышка.

Фигуры: Вовик с тобой?

Костя: Курит с кем-то у первого вагона. Будете?

Фигуры: - Спрашиваешь!

- Давай сюда...

Бутылка идет по кругу. Выбрав свободную скамейку, Костя ложится на нее, подсунув рюкзак под голову и подогнув ноги с прохода:

- Я почти двое суток не спал... Не забудьте меня в Приозерске.

Фигуры: - Хорошо.

- Спокойной ночи.

КУЗНЕЧНОЕ. БОЛЬШИЕ СКАЛЫ. ПАЛАТОЧНЫЙ ЛАГЕРЬ НА БЕРЕГУ ОЗЕРА СВЕТЛОЕ.

В прозрачном лесу, на двух старых подгнивших деревянных настилах, расположенных углом друг к другу, стоит ряд небольших покосившихся палаток-серебрянок. Все еще спят. Около длинного, сколоченного из бревен, потемневшего от времени стола дымит костерок. Девушка в высоких мужских сапогах и меховой безрукавке раздувает огонь: машет пенопластовым ковриком, подкладывает влажные веточки. За голыми деревьями виднеется лесное озеро, мостки над водой. От мостков идет Светлана с белым махровым полотенцем через плечо и большим закопченным котелком в руке, полным чистой прозрачной воды. Кинув на ходу полотенце на конек крайней палатки, она ставит котелок возле костра и начинает рыться в пакетах еды, сваленных кучей на столе:

- Наташка, что будем варить?

Наташа: Давай манку сделаем, чтоб побыстрей, - она подвешивает котелок над костром, - и бутерброды с сыром.

Светлана: А где крупы?

Наташа: Если на столе нет, поищи у меня в палатке, сбоку.

Раскрывается полог одной из палаток. Наружу высовывается заспанная физиономия. Парень таращится вокруг слипшимися глазами, широко зевает. Потом вылезает наружу и садится на край настила, поджав ноги в носках кверху. Роемся под настилем, извлекает оттуда разнокалиберные сапоги и ботинки, откидывает их в сторону. Наконец, находит свои - красные с синим - кеды, обувается, встает и, потягиваясь, подходит к столу:

- Привет, девчонки!

Наташа: Чего так рано, еще ничего не готово.

Светлана: Наоборот, вовремя. Гена, поруби-ка дровишек.

Гена: Сейчас, - он убегает и ненадолго скрывается за дальними кустами, оттуда проносится к озеру, быстро ополаскивает лицо и рысцой возвращается назад. Несколькими ловкими ударами топора раскалывает небольшие чурбаки и кидает поленья ближе к костру. После этого бодро семенит к настилу, ногой выковыривает из-под него мокрый, грязный, с налипшими листьями резиновый детский мяч и выпинывает его на крошечное «футбольное» поле, ограниченное с одной стороны настилами, а с другой - вкопанными корнями вверх стволами деревьев. Сделав несколько обманных финтов с воображаемым соперником, Гена проходит к маленьким, сколоченным из тонких осин, воротам, бьет, но попадает в штангу и, в падении, добывает мяч в ворота. Отряхнувшись, он начинает прицельно лупить мячом по висящему на стволе дерева металлическому плакату, изображающему мужественный профиль человека в каске и монтажном поясе, и надписью «Папа, будь осторожен, мы ждем тебя домой», внизу которой краской, от руки, приписано «трезвым». Раздаются неприятного тембра шлепки.

Из палаток доносится сонный недовольный плаксивый женский голос:

- Ну, кто там стучит? Перестаньте!

Гена (продолжая стучать): Уже давно пора вставать!

Другие сонные голоса: - Это кто там, Окунь, что ли? Уходи в лес и там лупи своим дурацким мячом!

- В тайгу уходи...

- В глушь, в Саратов...

- Уплывай в озеро...

Гена возвращается на поле и начинает легко пинать мячом по закрытым пологам палаток и настилу. Палатки содрогаются от ударов. Один вход распахивается, высовывается голова девушки в свернутой набок вязаной шапочке:

- Окунь! Совсем сдурел, что ли?! По голове прямо попал! Давай, двигай отсюда!

Гена (обиженно): А что вы все лежите? Давайте, вставайте, в футбольчик сыграем...

Тем временем остальные обитатели лагеря (всего человек двадцать - двадцать пять) тоже понемногу просыпаются, вылезают из палаток, обуваются, слоняются без дела по футбольному полю и бродят вокруг стола, который рьяно охраняют Наташа и Светлана. Среди них мы узнаем многих, кого мельком уже видели раньше - в кадрах Крыма и во время тренировки в Юсуповском садике. Кому-то все же удается стащить со стола бутерброд и его прогоняют поленом.

Альберт: Наталья, а где Виталий Михалыч?

Наташа: Они с Парфеном пошли на Спартак, веревки вешать.

Альберт: Давно?

Наташа: Да с час уже, наверное.

Два парня начинают пилить на козлах сухие стволы, третий рубит чурбаны и складывает дрова в поленницу, накрытую куском полиэтилена. Неподалеку, среди деревьев, стоит на треноге раскрытый мольберт, на доске которого приколот кнопками большой акварельный лист. На нем широкими мазками обозначена будущая картина: озеро, деревья, мостки. Проходя мимо, каждый считает своим долгом добавить к будущему пейзажу что-нибудь от себя. Так на озере сначала появляется остров, на острове - панельный трехэтажный дом, потом осины превращаются в пальмы, на пальмах возникают обезьяны с банана-

ми в руках, а от одной из них протягивается стрелочка к надписи «Так будет с каждым, кто мешает другим высыпаться по утрам». Последней к мольберту подходит маленькая худенькая девушка:

- Гады! Кто это сделал?!

На дорожке, со стороны озера, появляются Виталий - крепкий розовощекий, гладко выбритый мужчина лет тридцати, - и Володя, с пустыми рюкзаками и небольшим мотком веревки.

Виталий: Ирка не приходила еще?

Наташа: Пока нет.

Светлана: Мы как, сначала поедим, а потом на демонстрацию?

Все: - Давайте сейчас.

- Лучше после.

Виталий: Демонстрант должен быть злым и голодным.

Виктор (обаятельный усатый загорелый мужчина лет тридцати двух с выцветшими голубыми глазами, небольшим животиком и двухдневной щетиной на подбородке): Бойцов, может, и пораньше покормить надо, пусть растрясут немного...

Альберт: Смотря когда начало.

Наташа: О! Ирка идет. Подгруха!!! Давай сюда!

Со стороны леса к костру приближается коротко стриженная плотная женщина в длинной, по колено, пуховке, вязаной полосатой шапочке, с солидной папкой в руке. Раскрыв блокнот, она на ходу громко выкрикивает:

- Куликов - пятый номер! Парфенов - двенадцатый! Хубуная - тридцать третий! Семенов - тридцать девятый! Ли - сорок восьмой!

Володя: Когда начало?

Ира: Первый старт в двенадцать.

Виталий: Тогда, давайте, через десять минут построение.

От озера, из кустов, выходят с рюкзаками разгоряченные Андрей и мужчина в трико с надписями на лампасах. У них помятый заспанный вид, расхристанная одежда, распахнутые от быстрой ходьбы куртки.

Наташа: Эдя! Андрей! Где вас носило? Мы всю ночь тут по кустам шарили. Все батарейки из-за вас посадили!

Андрей: Можно подумать, мы дети малые... Решили не шарахаться ночью, зря ноги не ломать. Заночевали там, перед тропой.

Наташа: Предупредили бы хоть.

Эдик: Прошу зафиксировать новый рекорд: тропу *сделали* с одной ночевкой!

Ира: Андрей, у тебя пятый номер.

Андрей: Какой?

Ира: Пятый.

Андрей: Проклятье, - он садится на свободную от палаток часть настила, распаковывает рюкзак, переобувается.

Эдик: Юля, у тебя в палатке место есть?

Юлик: Мы вдвоем с Танюхой.

Эдик: Тогда мы к вам.

Юлик: Давайте.

Эдик: Андрюха, давай сюда.

Андрей: Сейчас...

Наташа: Эдик, Андрей, еду тащите на стол... Народ! Кто масло сливочное должен был купить?! Если не привезли - убью!

Андрей: Масло у меня, погоди немного... Ирка, а до меня кто лезет?

Ира: Из наших никто не лезет.

Андрей: А с кем я?

Ира: Ты с Марчуком. Первый старт в двенадцать.

Саша: Все будет отлично! После завтрака пойдем на Спартак, разомнемся...

Андрей: Я бы лучше поспал.

Виталий: Да поздно уже спать...

В это время остальные обитатели лагеря надувают разноцветные воздушные шары, развешивают их на палатках и ветках деревьев, протягивают меж стволов гирлянды красных флажков и понемногу выстраиваются в одну шеренгу вдоль палаток, лицом к озеру. За ближайшими деревьями вдруг раздаются аплодисменты, заразительный гогот и громкий дружный крик «Ура!».

Татьяна: Ну вот, Технологи, как всегда, первые...

Гена выбегает на футбольное поле и кричит в ту сторону, откуда доносятся звуки:

- Эй, там, Технологи! Переведите часы! Ваши часы спешат на пять минут!

Валера: Скажи лучше, пусть выбросят часы. Мои ночью сломались...

Несколько звонких голосов что-то отвечают из-за деревьев.

Эдик: Что они говорят?

Гена (возвращаясь назад): Поздравляют с праздником.

Эдик, Виталий и Володя встают напротив шеренги. Виталий выкатывает большой чурбан, ставит «на попа» и забирается на него. Эдик и Володя разворачивают длинный кусок ватмана с надписью «Трибуна». По шеренге проносится смешок.

Эдик (читает по бумажке): Начинаем праздничную первомайскую демонстрацию!

Володя (читает по бумажке): А сейчас мимо трибун на Дворцовой площади проходит колонна учащихся и недавних выпускников Ленинградского Инженерно - Строительного института!

Эдик (читает по бумажке): Труженикам карандаша и мастерка, лопаты и рапидографа, представителям древнейшей профессии на земле - ура!

Все (радостно хлопают): Ура-а-а!!!

Володя: Слово для праздничного первомайского доклада на тему «Воздействие внешней среды на тонкую душевную организацию подростка» имеет заведующий отделом Института Социальных Проблем Антипин Виталий Михайлович! Пожалуйста, Виталий Михайлович.

Все хлопают. Виталий разворачивает листочек с текстом:

- Товарищи!.. Общеизвестны тяжелые последствия столкновения наших неоперившихся птенцов с тяжелым миром большой дороги, на которую они попадают сразу же после окончания средней школы. К сожалению, есть факторы, которые значительно усугубляют тяжелое впечатление от этой неминуемой встречи. Помимо объективно опасных социальных групп, а именно: неуживчивых соседей, старых дев, просто плохих людей и хулиганских шаек, не менее сильное воздействие на юный неокрепший организм оказывают также и расплодившиеся в последнее время многочисленные секции альпинизма... Для более тесного контакта с изучаемым явлением младший научный сотрудник нашего НИИ проник в одно из таких образований, свившее себе уютное гнездышко под крышей Ленинградского Инженерно-Строительного института. Считаю своим долгом ознакомить вас с некоторыми данными его многолетних исследований... Анализ качественного состава людей, с которыми, попав в сети этой организации, столкнется ваше чадо, тревожен: преимущественно молодые люди с социально-опасным чувством юмора; в основном перспективные специалисты широкого профиля; в подавляющем большинстве с высшим и незаконченным высшим образованием... Предварительное обследование мест их ежегодного пребывания дало нам возможность сделать следующее заключение - там собрано все крайне враждебное человеку: самый холодный снег; непростительно скользкий лед; малопривлекательное нагромождение камней... Вызывают также опасение итоговые цифры за год: проживание в горах - 100 дней; сон за оставшееся время - 90 дней; тренировки по 10 часов в неделю - 20 дней; минус субботы, воскресенья и праздничные дни - 100 дней. Итого: 310 дней отсутствия за год! Что же остается для созидательного труда, для общественно-полезной работы?!.. Тяжело говорить о том, что пришлось пережить нашему товарищу.

Пройдя через систему бесчеловечных физических и опустошающих моральных упражнений, потеряв уважение коллег по работе, испортив отношения с женой и путая имена своих детей, а также навсегда утратив жизнерадостность и остатки здоровья, небритый и мрачный, - Виталий стирает руку в сторону стоящих в шеренге, - он стал походить на этих людей... Нелегко перечислять массу приобретенных им извращенных привычек, бездонен багаж нечеловеческих приемов, благодаря которым он был вынужден существовать в горах: добыча подножного корма; отправление пищи в рот всеми доступными и недоступными способами и средствами; мертвый сон в любое время дня и на любом рельефе; традиционно бесплатный проезд в электричках и поездах дальнего следования... Материал, поступающий от нашего друга, с каждым разом становится все более и более удручающим. Вот его последнее сообщение: «Живу неплохо, здоровье устойчивое... Оправдались худшие предположения»... Работа, проведенная нами, огромна, факты исчерпывающи и вывод оказывается однозначным...

Эдик, Володя и Виталий (хором): Ни шагу в горы!!

Все: Ура-а-а!!!

Эдик: «Нет!» - чуме альпинизма!

Все: Ура-а-а!!!

Володя: Даешь по три литра молока в день на человека!

Все: Ура-а-а!!!

Виталий: Решения двадцать шестого съезда КПСС - в жизнь!

Все: Ура-а-а!!! Ура-а-а!!! Ура-а-а!!!

ТРОПА НА СПАРТАКОВСКИЕ СКАЛЫ:

Виталий, Валера, Володя, Саша и Андрей идут по тропе вдоль озера. Валера несет полупустой рюкзак. У Андрея, Саши и Володи через плечо перекинута связанная за тесемки узконосые резиновые галоши. Слева от них в глубине леса открывается лагерь Технологического института: по сторонам большого, тщательно ухоженного поля - два аккуратных свежих настила с ровными рядами ярких палаток под тентами. В торцах поля - футбольные ворота, боковыми штангами которым служат высокие сосны. Рядом - длинный удобный стол, огромный костер, куча нарубленных дров и разнообразной посуды, развешенной на сучках деревьев. Здесь так много народу, что во время завтрака большая часть вынуждена со своими мисками сидеть не за столом, а на настилах, по краям футбольного поля.

Технологи: Мужики! Поздно уже тренироваться! Идите, лучше, каши поешьте!

Валера: На провокации не отвечаем!

Технологи: Андрюха, никого не слушай, иди к нам! Пусть тренируется тот, кто не умеет лазать!

Андрей: Мою порцию каши я отдаю Марчуку. Проследите, чтоб съел.

Длинный, в круглых очках на худом лошадином лице, Марченко демонстрирует тарелку, полную каши:

- Не бойсь, не отравлено!

Володя: Сейчас немного аппетит нагуляем и на обратном пути обязательно зайдем.

Технологи: На обратном пути можете уже не успеть. Вон у нас какие орлы подрастают! - они указывают на группу здоровых молодых амбалов, жадно уплетающих огромные порции каши и недоверчиво, с опаской поглядывающих в сторону чужаков, как будто те и в правду могут лишить их пропитания.

Лагерь Технологов остается позади. Вдоль тропы начинают попадаться невысокие гранитные скалки, поросшие лишаем. Справа на мысе, вдающемся в озеро, появляется еще один лагерь, разбросанный между деревьями. Там тоже пьют чай у костра, несколько человек разбирают какое-то снаряжение.

От костра: Здорово, мужики! С праздником!

Валера: Трижды краснознаменному, орденов Ленина и Дружбы Народов Горному институту - ура!

Горняки: Ну что, как вечером насчет футбола?

Виталий: Смотря по самочувствию, - он показывает рукой на остальных. - Если наши бойцы не устанут, то можно.

Горняки: Что же это у вас за бойцы такие?

Володя: Наши бойцы - одноразового использования.

Виталий: Как презерватив.

Мужики у костра радостно гогочут, девушки краснеют.

Горняки: А-а! Ну, тогда понятно...

Валера: Мы предлагаем вам два раунда синюшного футбола.

Горняки: Синюшного - это как?

Валера: Вечером узнаете. В синюшном футболе нам пока нет равных!

Горняки: А где будем играть, у вас?

Валера: Договоритесь с Технологами, у них поле получше. Играть надо на нейтральных полях!

Горняки: Ну, давайте... Андрюха, какой номер?

Андрей: Пятый.

Горняки: Вовик, а ты?

Володя: Двенадцатый.

Горняки: Штрафники...

Саша: Как знать! Гидрометры с обеда тучи обещали - у них все номера в первой десятке выпали...

Горняки: Какие тучи, Шура, разуй глаза - на небе ни облачка! Ты сам-то который будешь?

Саша: Тридцать третий.

Горняки: Ну вот! А то - дожди, снега... Нас не испугаешь!

СПАРТАКОВСКИЕ СКАЛЫ:

Балансируя по тонким бревнышкам гати, проложенной через небольшое болотце, все пятеро перебираются на сухую противоположную сторону к невысоким, метров по десять, гладким серым скалам. На них, как петли на виселицах, сиротливо колышутся две веревки с узлами на концах.

Володя: Заутро казнь, привычный пир народу...

Андрей садится на камень, начинает обувать галоши. Валера вываливает из рюкзака на землю страховочные пояса и карабины.

Володя: Но лира юного певца о чем поет? - на мгновение он задумывается, застыв с поясом в руках.

Валера: Поет о горах.

Володя (жестом одобряя подсказку): Не изменилась до конца! - он садится на рюкзак, снимает сапоги и аккуратно раскладывает на них штопаные шерстяные носки. - Приветствую тебя, мое светило! Я славил твой небесный лик, когда он искрою возник, когда ты в... горы восходило...

ГЛАВНЫЙ КУЛУАР:

Серая шестидесятиметровая гранитная скала вздымается вверх двумя вертикальными, сильно расчлененными уступами, правая сторона которых опускается прямо в воду озера Ястребиного. На сером граните, как древние наскальные рисунки, как позабытый язык инков - какие-то знаки, точки, стрелочки, кружочки... Сверху вниз тянутся яркие белые непрерывные линии, ограничивающие маршруты предстоящих соревнований. Вверху этих коридоров висят красные флажки. Углом к скале расположен крутой, поросший высокими кряжистыми соснами, склон. Среди крепких оголенных корней и невысоких ска-

лок, залезанных прикосновениями бесчисленного множества ног и рук, вытоптана уводящая наверх тропинка. Скалой, склоном и озером ограничен небольшой треугольник земли, на котором стоит похожий на гнома мужчина - невысокого роста, сутулый, худой, как мальчик, с черной окладистой бородой и большим мясистым носом - и дает указания загорелому симпатичному юноше, висящему на дощечке у скалы с жестяной банкой мелового раствора и кистью в руках.

Мужчина: Закрой-ка этот уголок...

Парень обводит одну из идущих вниз линий вокруг небольшого откола на скале и немного приспускается сам.

Мужчина: Та-ак... И тогда, пожалуй, открой утюжок на библии.

Парень ведет вниз другое ограничение, обрисовывая небольшой выступ на плоской вертикальной плите, каменный узор которой напоминает древние иероглифы.

Еще один человек лопатой откапывает низ скалки, к которой опускаются ограничения, и веником сметает с нее оставшуюся землю:

- Ну как, хватит?

Бородатый: Хватит, хватит, уже времени нет... Для них и так это будет сюрпризом...

ЛАГЕРЬ НА ОЗЕРЕ СВЕТЛОЕ:

Виктор: Волки позорные, что у вас за форма? Где вы ее держали? Такое впечатление, что вы ее жевали всю ночь... Да-а, Виталий, не то поколение нынче, не то! Чего-то такого в них не хватает... Мы в ваши годы вставали засветло, разминались, потом купались в озере - в любую, заметьте, погоду. Доставали из чистых полиэтиленовых пакетов отглаженные хрустящие футболочки - приятно было посмотреть... А вы? Где лицо секции? А еще в команду хотите попасть...

Виталий: В семье не без уродов.

Андрей и Володя лихорадочно собираются, одевают спортивную форму.

Володя: Витя, отстань... И так тут мандраж с самого утра, так и ты еще...

Андрей скачет на одной ноге вокруг настила, другая нога - босая, роется в разброшенных вещах.

Виталий: Ты что потерял, моя радость?

Андрей (засмеявшись): Носок.

Татьяна: Не он там тлеет возле костра?

Андрей: Да, вроде, не должен...

В стороне от лагеря проходит цепочка людей и скрывается в лесу.

Ира: Технологи уже пошли, давайте быстрее.

Виктор: Вот вы, вроде, почти все тут ленинградцы - а культуры никакой. Книжек не читаете... Как моя жена прямо, - он начинает смеяться, - я ей говорю: «Сходи, что ли, в Эрмитаж - культурки хапни». А она обижается...

Большая часть обитателей лагеря, собравшись, уходит.

Альберт: Мы пошли, догоняйте!

Андрей, наконец, находит носок, обувается, встает, закидывает на плечо галоши.

Валера: Наталья, ты идешь?

Наташа возится возле стола:

- Вы идите... Я бутерброды дорежу и догоню вас.

Оставшись одна, она заворачивает бутерброды в полиэтиленовый пакет, засовывает его в маленький рюкзак, туда же ставит термос и бежит за остальными.

ТРОПА НА ГЛАВНЫЙ КУЛУАР:

Володя, Валера и Андрей быстро идут друг за другом по узкой тропе между деревьями, немного позади основной цепочки. Сырые места перебегают по шатким бревнышкам. Стараясь не отставать, рядом с ними, спотыкаясь на кочках, спешит Эдик.

Эдик (скороговоркой): В общем, там, похоже, ничего такого страшного нет: левый маршрут совсем простой - телевизор открыт полностью, потом женский велосипед и комод. Правый посложнее: во-первых, они отрыли внизу библию - там может быть какая-то ловушка, потом до балкона ничего. Ну и потом балкон в лоб - это, пожалуй, самое сложное. Пролезете балкон - считайте, что победили. Тюльпанов говорит...

Они поднимаются на невысокий холм и движутся по сухому светлому лесу. Отсюда видно, как ручейки идущих с разных сторон людей сливаются в одной точке, спускаются вниз, в ложбину, и исчезают среди гигантских валунов и старых сумрачных елей. Вдоль идущей вправо и вверх тропы расположились, один за другим, несколько небольших, покинутых в спешке, лагерей: палатки раскрыты, вещи разбросаны, еще дымятся костры. Здесь совсем тихо. Вокруг палаток - высокие сосны, за ними - плавно уходящие вниз заливанные гранитные «лбы». В небольшом проеме между скалами, в шестидесяти метрах ниже, открывается голубой осколок озера Ястребиного. Первозданную лесную тишину внезапно разрывает громкий мужской вопль: «А-а!!!», донесшийся из-за скалы, и, следом за ним - снизу, от озера, дружный взрыв хохота неожиданно большого числа людей.

ГЛАВНЫЙ КУЛУАР:

Раскачивается на веревке участник соревнования, только что сорвавшийся со скалы. Другой продолжает двигаться по своему маршруту. Все пространство недавно еще такого пустынного кулуара до отказа заполнено многочисленными зрителями. Толпы болельщиков теснятся у края озера, плотно облепляют каменистые уступчики поросшего лесом склона. На самом высоком из них разместились три музыканта - с гитарой, скрипкой и аккордеоном. Те, кому не хватило места на земле, гроздьями висят на деревьях. Несмотря на такую перенаселенность, люди постоянно продолжают прибывать. Одни спускаются сверху, придерживаясь руками за корни деревьев, другие появляются справа, перебираясь через небольшой скальный обрывчик над водой. Среди них выделяются причудливо одетые участники соревнований: поверх уже обутых скальных галош у них наполовину натянуты резиновые сапоги, которыми они неуклюже шлепают по земле; свитера и шерстяные брюки скрывают спортивную форму и страховочные обвязки с карабинами, выпирающими спереди, как горбы; руки они греют в шерстяных носках, а вокруг шеи обмотаны еще одни штаны или что-нибудь теплое. Несколькими веревками ограничен крошечный стартовый городок под самой скалой - единственное свободное место. Там расположилась судейская бригада.

Тем временем, продолжающий борьбу на правом маршруте скалолаз, застрял под небольшим нависанием - балконом. Изогнувшись, он, не глядя, тянется вверх. Его рука шарит по гладкой стеночке сантиметрах в двадцати ниже удобного острого выступа. Не найдя ничего подходящего, он с большим трудом приспускается на полметра вниз и поочередно встряхивает затекшими руками.

Голоса из толпы: Леша, ноги! Подбери повыше ноги!

Немного отдохнув, парень опять подступает ногами и снова тянется вверх рукой, но, по-прежнему, не может достать до выступа. Несколько голосов, желая подбодрить лезущего, начинают громко гудеть, постепенно повышая звук, - как бы разгоняя какой-то невидимый груз и выталкивая его вверх:

- У-у-у-ша-ков-ский!!

- У-у-у-ша-ков-ский!!!

Голос: Подступи еще левой ногой!

Собрав остатки сил, парень толчком ставит левую ногу чуть выше, уперев ее носок в крохотную лунку, привстает на ней, наудачу кидает руку вверх и, едва скользнув пальцами по выступу, мгновенно теряет равновесие и срывается вниз. Пролетев пару метров, он повисает на веревке, беспомощно болтаясь из стороны в сторону.

Зрители (разом): Ну-у!!!

Музыкальное трио на уступе задорно и весело играет несколько тактов похоронного марша. Сорвавшегося в очередной раз прибывает к скале и он, публично коря себя, несколько раз ударяется о нее головой в каске. Под всеобщий смех его плавно опускают вниз.

Судья (пузатый, лет шестидесяти, мужчина в огромной пуховой куртке): Участник Ушаков снят за срыв! - надев очки, он смотрит в свои бумаги. - В стартовый городок приглашаются: Антонов (ЛИАП), Залесский (ЛГМИ). Приготовиться: Куликов (ЛИСИ), Марченко (ЛТИ).

В стартовый городок выходят два молодых человека, прищелкиваются к узлам свисающих веревок. Пока они готовятся, трио на уступе играет «С Одесского кичмана...»

Судья: Участники готовы?

Молодые люди (одновременно): - Да.

- Можно.

Судья: Та-ак, участники готовы... Страховка готова?

Два парня с веревками в руках, закрученными вокруг стволов деревьев, выбирают слабинку, до предела натянув веревки:

- Готовы.

Судья: Секундометристы готовы? - две женщины в стартовом городке поднимают, в знак готовности, руки. - Дается старт. Внимание... Марш!

Зрители начинают кричать, подбадривая лезущих. Те быстро поднимаются вверх, уверенно преодолевая простые первые метры. Однако вскоре, добравшись до более сложных участков, они резко сбавляют темп и, наконец, останавливаются совсем. Правый, как и его предшественник, надолго застывает под нависанием. Несколько болельщиков, отеснив окружающих, придвигаются к ограждениям и, на разные лады, начинают подсказывать ему, как лезть дальше. В это время, под одобрительные крики болельщиков, левый пролезает сложный кусок на своем маршруте и, почти бегом, устремляется вверх.

Зрители (ревут): - Насасывай!!!

- Зашнуривай!!!

Правый оборачивается в сторону бегущего.

Из группы поддержки: Да не смотри ты по сторонам! Давай, борись!

Парень вдавливая носок левой ноги в крошечную выбоину на уровне колена и, осторожно выпрямляясь на ней, пытается достать рукой до выступа, куда так и не смог дотянуться предыдущий, надолго застыв в чрезвычайно неестественном положении.

С деревьев: Петруччо, еще пять сантиметров!

Снизу: Петя, тянись! Еще! Ну! А-а!!..

Парень срывается, повиснув на веревке.

Из группы поддержки: Проклятье!

Судья: Участник снят за срыв.

В это время второй скалолаз, под вопли толпы, дотрагивается до флажка и начинает стремительно спускаться вниз.

Болельщики неистовствуют:

- Быстрее, быстрее!

- Сыпсья!

- Давай! Дава-ай!!..

Под одобрительный гул и дружные аплодисменты он преодолевает последние метры и спрыгивает на расстеленную под маршрутом подстилку. Секундометристки щелкают секундомерами и записывают результаты в тетрадки.

Андрей обувает галоши. Тем временем, Юлик и Валера разминают ему спину и предплечья.

Эдик: Расслабься... Главное - подбери ноги под балконом, иначе никак... Достанешь лоханку - считай, дело сделано.

Виталий передает Эдику коробочку из-под фотопленки:

- Насыпьте на подошвы канифоли.

Юлик: Расслабь руки, они у тебя как каменные.

В это время левый участник, уже в одиночестве, стартует на правом маршруте.

Эдик: Вот, смотри, как Сёма сейчас балкон ползет...

Парень быстро добирается до нависания и с маху кидает правую руку наверх, почти достав до выступа, но поскользывается и едва не срывается. Зрители ахают.

Женский голос: Аккуратненько, Сэм! Спокойненько!

Снова подступив ногами, он, на этот раз уже медленно и осторожно, тянется вверх. Воцаряется тишина. Слышно его тяжелое дыхание. Улучив момент, группа поддержки его бывшего соперника протискивается еще ближе к скале, почти под самый маршрут, и начинает громко хором дышать ему в такт, низко склоняясь после каждого выдоха. В толпе проносится смешок.

Голоса: - Тюля, отвалите!

- Работай, Сёма, работай!!

На мгновение потеряв равновесие, парень, медленно и плавно, как на экране, отваливается от скалы и оседает на веревке.

Все: О-ох!!..

Снова раздаются несколько радостных тактов похоронного марша.

Судья: На старт приглашаются Куликов и Марченко.

Андрей подныривает под веревочные ограждения, на ходу застегивая ремешок каски.

С разных сторон: - Андрюха, держись!

- Главное - спокойствие...

- Где Марчук?!

- Да здесь, здесь...

- Пусть идет.

В городок влезает длинный узкоплечий неказистый Марченко. Проходя мимо Андрея, он одобрительно похлопывает его по спине:

- Это была старая боевая лошадь!

Голос из толпы: Это были две старые боевые лошади.

Зрители смеются. В этот момент наверху скалы вдруг раздается вопль:

- Радуйтесь, Афиняне, мы победили!!

Все разом задирают головы. Наверху скалы стоят пятеро мужчин с рюкзаками, немного ободранные на вид. Один из них - с огромным лиловым синяком под глазом. В них мы узнаем пассажиров ночного дизельного поезда, которых увезли с собой пограничники со станции «Кузнечное». Они вскидывают вверх руки, изобразив нечто среднее между «они не пройдут» и «мы победим». Со всех сторон дружно раздается радостный победный клич и оглушительные аплодисменты. Трио играет туш и сразу, без перерыва – «На границе тучи ходят хмуро...» В толпе начинают хором подпевать.

Голос снизу: Опускайтесь сюда!

Голос с дерева: Тимоха, скорее, у тебя пятнадцатый номер!

Мужчина с синяком: Сейчас! - они скрываются за обрезом скалы.

Судья дает старт. Болельщики снова начинают кричать. Марченко, уверенно и цепко, движется по своему маршруту. Расталкивая сидящих на ветках зрителей и, временами, по ошибке, ставя ноги им на плечи, Валера лезет на дерево, неотрывно следя за Андреем и постоянно подбадривая и направляя его:

- Так, так... отлично... отлично идешь... все нормально... правее руку... еще... так...

Наблюдая за Валерой можно понять, как продвигается Андрей: вот он немного приостановился, вот полз быстрее, вот снова задержался, а вот застопорился на одном месте... Остановившись под нависанием, Андрей откидывается от скалы, разглядывая дальнейший путь. После этого он чуть приспускается и переставляет ноги. Саша и Юлик протискиваются к парню, страхующему Андрея.

Саша: Соловей, дай-ка нам веревку.

Парень отдает им веревку и они вдвоем начинают тянуть ее вниз изо всех сил. Андрей снова вылезает на нависающий участок, делает несколько шагов, совершенно не похожих на шаги его предшественников и, неожиданно, вожделенный выступ оказывается прямо перед его лицом. Однако при этом он не может оторвать от скалы ни одной руки и оказывается в ловушке. Вскоре ноги у него начинают дрожать от напряжения.

Голоса: - Давай, Андрей, давай!

- Уже немного осталось!

Чей-то голос (злобно): Зубами хватай!

Голоса: Андрюха, мы с тобой!!

Андрей осторожно отпускает левую руку, но его тут же откидывает в сторону. Чтобы не сорваться, он на секунду упирается в соседнюю угловую стеночку, находящуюся уже за ограничением, отталкивается от нее и снова возвращается на место.

Голоса: - Внимательно!!

- Аккуратнее, Андрюша, аккуратно!

К Юлику и Саше подбегают Сергей и Костя. Тоже ухватившись за веревку, они висают на ней всем телом.

Голос: Юля, да выдайте ему веревочку, пусть не мучается!

Юлик отмахивается и продолжает с силой тянуть веревку вниз.

Андрей висит на скале.

Голоса: - Не трать силы, лезь!

- Давай, Андрей, работай, работай!

Андрей отрывает руку, его опять отбрасывает и, снова опершись о стенку за ограничением, он возвращается в исходное положение.

Судья: Участник Куликов снят, за неоднократный выход за ограничения.

Андрей продолжает висеть на скале.

Судья: Спускайтесь, участник, спускайтесь!

Крик из толпы: Лезь дальше, не слушай никого!!!

Андрей оборачивается вниз и, помедлив еще некоторое время, отпускает руки. Его опускают на землю. Ни на кого не глядя, он отщелкивается от веревки, снимает каску и, нырнув под ограничения, исчезает в толпе.

ЛАГЕРЬ НА ОЗЕРЕ СВЕТЛОЕ:

В лагере пусто, тихо. Со стороны леса появляется Андрей. Подходит к кострищу, выскребает со дна котла остатки каши, зачерпывает чай и, запивая на ходу, идет к палаткам. Ставит чашку на настил, достает из рюкзака спальный мешок, скидывает сапоги, забирается в одну из палаток, расстилает его там, залезает внутрь, чей-то мешок подгребают под голову, еще одним накрывается сверху, ложится и задергивает полог.

ГЛАВНЫЙ КУЛУАР:

Азарт поубавился, зрители выдохлись. Никто никого не подгоняет, не дает никаких указаний. Все молча следят за разворачивающимися событиями. Очередной участник парной гонки - худой широкоплечий парень с огромными ручищами - подбирается под роковое нависание и из того же положения, что и все предыдущие его соперники, вытянув вверх руку, спокойно, без видимых усилий, берется за недоступный, как казалось раньше, выступ и, подтянувшись, выбирается наверх балкона.

Голос в тишине (изумленно): Вот это грабли!

Второй голос (гордо): Ха! У мафии длинные руки!

Задремавшие, было, болельщики приободряются. Кто-то кричит:

- Беги, Мафия!

Узрев, наконец, победу и нового героя, зрители тоже начинают со всех сторон, вразной, выказывать ему свое одобрение и поддержку. Заряжаясь друг от друга, они по-

степенно распалются, кричат все громче и, наконец, забыв обо всем, в едином порыве достигнув прежнего накала страстей, радостно орут во все горло:

- Молодец, Мафия!.. Беги, Мафия!!..

ЛАГЕРЬ НА ОЗЕРЕ СВЕТЛОЕ.

В лагере, по-прежнему, пусто и тихо. Со стороны леса показываются возвращающиеся с соревнований Светлана, Ира и Виктор. Следом за ними, шумно споря о чем-то, все остальные. Андрей курит у открытого полога палатки, лежа на спине в спальном мешке.

Виктор: Муфлоны беременные! Стыд и позор! Андрей, старина, ты лез так, будто у тебя нет ног...

Ира: Да ладно тебе! Андрюша, не расстраивайся! Пролезло всего шесть человек. Из наших - только Сашка.

Виктор: Вот шесть-то человек и попадут в команду.

СТОЯНКА ТЕХНОЛОГОВ.

На футбольном поле стоянки Технологов - две команды. В одной - семь человек из Горного института, в другой - Гена, Володя, Валера, Саша, Эдик, Альберт и Виталий. На настилах по бокам - многочисленные зрители. Футбольный матч в самом разгаре, но никто не бежит - по правилам синюшного футбола бегать нельзя, можно только ходить. От этого игроки немного напоминают озабоченных чрезвычайно важными, неотложными делами руководителей каких-нибудь предприятий, или чиновников государственных учреждений, которые постоянно куда-то опаздывают, но в то же время не должны ронять достоинства в глазах своих подчиненных. Для полного сходства им не хватает только толстых кожаных портфелей в руках. Глядя на то, как игроки, широко размахивая руками и переваливаясь с боку на бок, деловито спешат со всех сторон за укатившимся в лес мячом, с серьезными сосредоточенными лицами отдают друг другу пасы, штурмуют, быстро сменяя ногами, ворота противника, а потом, когда мяч отскакивает в обратную сторону, как по команде развернувшись на сто восемьдесят градусов, стройными шеренгами идут защищать свои ворота, зрители смеются до слез и в истерике расползаются по земле вокруг поля.

ЛАГЕРЬ НА ОЗЕРЕ СВЕТЛОЕ.

Минуя палатки, Светлана вступает в лес. За ее спиной у костра звучит гитара и голос Виталия:

- Отчего ты печальная такая,
Срэдь этих стен?
Расскажи мне скорей, моя родная,
Моя Кармен...

Светлана улыбается. Пройдя в темноте через опустевшее футбольное поле, она подходит к яркому костру, вокруг которого собрались многочисленные обитатели лагеря Технологов. Они о чем-то говорят между собой, негромко бренчит гитара. Светлана трогает за плечо сидящего сбоку усатого румяного мужчину в пуховке:

- Гуча, а где Любаша?

Мужчина указывает ей на стол, за которым две женщины готовят бутерброды. Светлана подходит к ним:

- Любаша, слушай, у вас маргарина не будет одной пачки? Мы забыли привезти.

Одна из женщин: Сейчас найдем... Присаживайся пока.

Светлана садится за стол.

Бас у костра: Так!.. Новичкам пора уже спать!

Несколько тонких голосов (обиженно):

- Рано еще спать!

- Сегодня же праздник!

- А как же обещанная колыбельная? Столько говорили...

Бас: Ладно, черт с вами... Голубец, давай колыбельную. Но после этого - сразу в постель!

Гитару передают свирепого вида парню с узким лицом, хитрыми веселыми глазами и глубоким шрамом на скуле. Он берет ее большими крепкими руками без верхних фаланг на двух пальцах правой кисти, проводит ногтем по струнам.

Люба: Ты еще не слышала новый голубцовский шлягер?

Светлана: Это какой?

Люба: Колыбельную.

Светлана: Нет, наверное...

Люба: Иди, тогда, послушай.

Вторая женщина: Смотри, не усни только...

Светлана присаживается к костру. На бревне сдвигаются плотнее, освобождая ей место. Парень негромко перебирает струны и, под усыпляющий аккомпанемент гитары, задушевым голосом начинает говорить:

- Ты еще не спишь, мой маленький друг? Ну, тогда послушай сказочку... В одном старом-старом городе жил старый шарманщик с внучкой. Каждое утро они появлялись на главной площади старого городка: старик крутил ручку своей шарманки, а девочка держала в руках его старую шляпу, в которую прохожие изредка бросали деньги. Так проходил день за днем... Но вот однажды ночью, когда дедушка уже спал, к внучке пришла прекрасная фея. «Послушай, девочка, - сказала она, - я исполню три самых заветных твоих желания». «Первое мое желание, - ответила девочка, - это чтобы на шарманке у дедушки была золотая ручка. А два других желания пусть загадает сам дедушка». И они стали будить дедушку...

Люба трогает Светлану за плечо и сует ей в руки две пачки маргарина.

Светлана: А? Ага, спасибо... - заинтригованная, не отрывая глаз от рассказчика, она, не глядя, кладет их на колени.

В этот момент к парню присоединяются еще несколько зычных мужских голосов, уже, по-видимому, давно и терпеливо ожидавших этого момента. Все вместе они радостно вопят:

- «А пошли вы все в жопу!!!» - заорал дедушка...

Несколько человек начинают весело ржать.

Молоденькая девушка (негромко): Фу, какая гадость...

И снова, как ни в чем не бывало, таким же задушевым голосом парень продолжает:

- Третьим своим желанием старик вызвал из задницы внучку... И вот с тех пор, каждое утро, они снова появляются на главной площади старого городка: старик крутит золотую ручку своей шарманки, девочка держит в руках его старую шляпу...

Снова вступают мужские голоса, как бы и сами пораженные, но в то же время и восхищенные фактом, который сообщают всем остальным:

- А из задницы у старика - торчит прекрасная фея!!

БЕРЕГ ОЗЕРА СВЕТЛОЕ:

Светлана идет по кромке берега с пачками маргарина в руках. Над озером - низкий ночной туман. По дальним берегам мерцают огнями многочисленные костры. С разных сторон, причудливо переплетаясь, плывут по воде обрывки едва различимых в тишине звуков - чьих-то голосов, смеха, задетых струн.

ЛАГЕРЬ НА ОЗЕРЕ СВЕТЛОЕ:

Саша заводит ручку граммофона и, склонившись над пластинкой, аккуратно опускает на диск иглу. Сначала раздается только шипение и треск. Потом сквозь шум посте-

пенно пробиваются звуки торжественного и печального музыкального вступления. Саша отходит от заваленного посудой стола, на краю которого стоит граммофон, и подсаживается к костру. Все сидят плотным кольцом вокруг огня, сушат на коленях одежду, курят, время от времени подкладывают в костер поленья. Яркие искры с шипением улетают в небо. Над костром греется большой закопченный, выдавший виды чайник. Эдик откупоривает несколько бутылок портвейна, вливает их в пустой котел и подвешивает его рядом с чайником. Альберт крошит туда яблоки, выжимает пол-лимона, кидает пригоршню рафинада.

Тем временем музыкальное вступление развивается, постепенно приобретая очертания очень знакомой, но искаженной до неузнаваемости строгим исполнением темы. Пританцовывая в такт, подходят две девушки с пакетами продуктов в руках. Одна из них, вывалив пакеты на стол, начинает самозабвенно вальсировать между деревьями. В больших мужских резиновых сапогах, нелепых шароварах, ватнике и шапке-ушанке она выглядит очень забавно. Потом к ней присоединяется другая и теперь они танцуют уже в паре, продвигаясь в сторону более просторного «футбольного поля».

Потом в затянувшемся медленном вступлении вдруг происходит неожиданный джазовый поворот, и оно трансформируется в начало популярной в тридцатых годах быстрой и зажигательной мелодии. Не в силах усидеть на месте, от костра вскакивают еще несколько человек. Следом за ними - Саша, Юлик, Валера и Костя. Не умея толком танцевать, они, не вынимая рук из карманов, весело дрыгают ногами в такт музыке, образовав своеобразный кордебалет. Со стороны озера подходит Светлана и тоже включается в эту первобытную пляску. Зажигаясь все больше, танцоры начинают выделять рискованные акробатические номера. Постепенно музыка и танец достигают своего апогея и в этот момент, озарив все вокруг, в небе вспыхивает первый залп праздничного фейерверка. Сразу же за ним - второй, потом третий. Сидящие у костра вскакивают со своих мест:

- Ура-а-а!!!

Крики слышны отовсюду - из-за деревьев, с той стороны озера. Вошедшие во вкус танцоры тоже вопят во все горло и продолжают беситься. Один за другим, с разных сторон, в темноте ночи вспыхивают яркие, рассыпающиеся букетами, разноцветные огни, ненадолго выхватывая из темноты силуэты деревьев, и, сгорая на лету, снова погружают их во мрак.

БЕРЕГ ОЗЕРА СВЕТЛОЕ:

Три вспышки фейерверка, одна за другой, отражаются в черной глади озера. Со всех сторон раздаются крики «Ура!», неподалеку за деревьями играет граммофон. На мостках стоят два сильно пьяных молодых человека. У одного из них в руках заряженный сигнальной ракетой пистолет. Злорадно смеясь, он целится в противоположный берег озера, в сторону горящих костров, и нажимает курок. Яркая ракета с шипением проносится над водой и непредсказуемо, как кузнечик, скачет на том берегу между деревьями, вызвав бурю испуганного женского визга. Пьяные кровожадно хохочут и заряжают новую ракету.

ЛАГЕРЬ НА ОЗЕРЕ СВЕТЛОЕ:

Вовсю гремит музыка. Рассыпаются в небе фейерверки. Все уже на футбольном поле - танцуют, прыгают, ходят колесом... У костра остались только Эдик, помешивающий веткой глинтвейн, и Андрей, курящий очередную папиросу.

ПЕРЕУЛОК БОЙЦОВА. ОБЩЕЖИТИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ФАКУЛЬТETA. ЖИЛАЯ КОМНАТА.

По наклеенной на стену административной карте Советского Союза, из северо-западного региона в сторону границы с Китаем, быстро бежит таракан. Чья-то вымазанная тушью рука линейкой прихлопывает его в районе города Кзыл-Орда.

Андрей отодвигается, вместе с табуреткой, от подрамника, на котором уже появились контуры будущего коттеджа. Не спеша, аккуратно закручивает колпачки рапидографов, закрывает банку с тушью. В комнате, кроме него, работают еще три человека, ютясь со своими подрамниками между не застеленной двухэтажной кроватью, платяным шкафом и кухонным столом, заваленным красками, кисточками и банками с грязной водой.

Сосед (не отрываясь от работы): Уходишь?

Андрей: Мне пора уже, - вытирая руки о тряпку, он выглядывает в раскрытое окно, выходящее в переулок Бойцова.

В доме напротив, свесив ноги с освещенного солнцем подоконника, сидит густо накрашенная полная женщина в атласном нижнем белье. Увидев Андрея, она кокетливо машет ему пухлой ручкой и посылает страстный воздушный поцелуй.

Андрей: Вадик, смотри - дама твоего сердца уже на посту.

Бородатый парень (из угла комнаты, не поворачивая головы от подрамника): Когда-нибудь она, все-таки, свалится оттуда...

Сосед: А ты ее папашу видал?

Андрей: Нет. А что за папаша?

Сосед: Ну! Старикан такой, с полевым биноклем. Ему уже лет, наверное, восемьдесят. Он в соседнем окне живет. У него кликуха - Казанова. Сейчас, просто, не его время. Он сова, ему нужны сумерки. Его звездный час наступает поздно вечером, когда девушки из общежития начинают ложиться спать...

ПЕРЕУЛОК БОЙЦОВА.

С большой полупустой сумкой через плечо, грызя сушку, Андрей выходит из общежития. Уже почти лето. В переулке зелено, солнечно. Тополиный пух летает по воздуху, комьями катается по асфальту. Андрей быстро идет в сторону Фонтанки и сворачивает за угол дома.

ЗАВОД «СВЕТЛАНА».

Андрей с сумкой на плече, Юлик с авоськой в руках и Татьяна стоят у перекрестка. Наискосок, через шумные потоки машин - длинные цеха завода, сходящиеся углом в высоком административном здании с надписью на крыше «НПО Светлана».

Юлик: Что-то никого народу не видеть...

Загорается зеленый сигнал светофора, они переходят на другую сторону и идут вдоль глухой стены, нижняя часть которой, метра на полтора в высоту, облицована крупными обломками разноцветного гранита, вделанными в сероватый раствор цемента. Ступив на газон, они сворачивают за угол. Здесь облицовка уже метров пять высотой, а дальше, где начинаются цеха, она снова становится полутораметровой и постепенно сходит на нет, метров через сто. На траве лежит пара спортивных велосипедов, брошены сумки и самодельные рюкзаки. Человек восемь стоят перед стенкой, озабоченно ее разглядывая. Андрей, Юлик и Татьяна становятся рядом с ними, тоже смотрят на стену и недоуменно переглядываются между собой.

Андрей: Привет, Паша... Чего вы тут высматриваете? Будут что-то показывать?

Черноволосый коренастый мужчина в шерстяном спортивном костюме, с надписью «СССР» на спине, и велосипедных перчатках, показывает ему на стенку:

- А ты потрогай...

Сбросив сумку, Андрей подходит к стене и осторожно прикасается к ней пальцем - на нем остается грязный след.

Андрей (вытирая руку о траву): Чем это она вымазана?

Мужчина: Не знаю.

Татьяна: А чего это вдруг?

Мужчина: Да, в общем-то, не вдруг. Дирекция завода недовольна: «Вы, - говорят, - выломаете нам всю облицовку». Поначалу водой из окон поливали, теперь вот - мажут чем-то...

Юлик подходит к стенке, тоже трогает ее пальцами, трет их друг о дружку, нюхает. Удивленно снова вымазывает палец и опять нюхает. Радостно восклицает:

- Да это же солидол! Мне для машины как раз нужно, я уже месяц его ищу! Надо же...

Не разделяя его восторга, мужчина недобро оборачивается в его сторону:

- Тебе и карты в руки, старичок - соскребай!

МЯСОКОМБИНАТ.

Сойдя с автобуса на кольце, Андрей идет по дороге, вдоль сплошного высокого бетонного забора. В стеклянных дверях проходной, притулившейся к мощным бронированным воротам, маячит охранник в полувоенной форме и, скрестив на груди руки, подозрительно следит за проходящим мимо Андреем. Лежащая у его ног овчарка тоже хмуро косит глазом в его сторону. В конце забора стоят два старых полуразвалившихся товарных вагона, битком набитые ребрами каких-то животных. Цепляясь друг за друга, ребра вывалились из отодранных дверей наружу и в изобилии разбросаны вокруг, как после нападения гигантской стаи хищников. Обогнув вагоны, Андрей выходит к зданию котельной и высоченной облезлой бетонной трубе, за которой открываются заросшие бурьяном поля и чахлый лес вдаль. Андрей задирает голову вверх. Уже сумерки, и на трубе, один за другим, зажигаются красные сигнальные фонари. Он подходит ближе, ставит сумку на траву и, сложив ладони рупором, кричит наверх:

- Витя! Слава!..

От его крика с окрестных полей взмывают вверх тучи жирных чаек и начинают галдеть, кружить в воздухе. На нижней, опоясывающей трубу, решетчатой площадке появляется едва различимый силуэт и, свесившись, смотрит вниз. Потом говорит негромко:

- Мы здесь, подымайся сюда.

Вытянувшись, Андрей пробует рукой, не покрашены ли перила, потом подпрыгивает, повисает на нижней перекладине, прошкрывав ногами по бетону, влезает на лестницу и подымается по ней вверх. Откинув металлический люк, он выбирается на площадку, отряхивает руки и одежду. Потом обходит трубу по кругу и, с обратной стороны, натывается на Виктора и Славу - невысокого худого мужчину, лет тридцати - счищающих металлическими щетками лохмотья висящей на перилах ржавчины. Они здороваются.

Андрей: Ну, как вы тут? - он облокачивается о перила рядом с ними, достает сигареты.

Слава: А!.. Нормально.

Андрей: Закурим?

Виктор: Давай.

Виктор и Слава откладывают щетки и закуривают, тоже облокотившись о перила. Втроем они молча глядят вниз. Внизу - в багрово-красных закатных тонах - болото, лес, линия электропередач. Из болота поднимаются испарения и туманом расползаются вокруг.

Виктор: Зона...

Андрей в последний раз глубоко затягивается и щелчком выбрасывает сигарету, следя за летящим вниз огоньком.

Виктор: Старина, должен тебя огорчить - денег за стекла пока нет... - он тоже бросает вниз окурок. - И в ближайший месяц вряд ли будут.

Андрей молчит.

Виктор: Ты когда едешь?

Андрей: Билеты на двадцатое.

Слава: Займи у кого-нибудь. К осени-то уж должны быть.

Андрей: Жизнь займы... У меня уже почти триста рублей долга.

Виктор: Что делать, старина... Такова спортивная жизнь! А то выходи, вот, с нами на трубу.

Андрей: Не могу. Лимит трудодней уже исчерпан... - он выпрямляется. - Ну что, вы еще долго тут собираетесь? А то поехали в город - там вино и женщины... У меня есть треха.

Слава: В таком случае у меня червонец.

Из котельной с шумом вырывается мощная струя пара, снова подняв с земли крикливые тучи.

Виктор (после долгой паузы, додумывая какую-то свою мысль): Вино, это, конечно, хорошо. Но вот женщины... Женщины, старина - как очень злые кони, - он начинает смеяться. - Я знаю места, где их никогда не бывает... Но никому не скажу!

КВАРТИРА ВАЛЕРЫ. КУХНЯ.

За кухонным столом сидят Валера, Андрей (уже слегка навеселе) и Саша. На столе - чай, портвейн. Что-то клокочет на плите. На протянутых под потолком веревках сушатся пеленки, детские колготки. Саша перебирает на столе какие-то листочки, вынутые из картонной папки:

- Ну вот, например... То, что еще в прошлом году хотели делать. Но здесь только начало первого куплета.

Валера: Ну-ка, ну-ка...

Андрей разливает портвейн по стаканам:

- А что мы хотели тогда делать? Я уже и не помню ничего...

Саша: Ну, вот это, - поет на мотив «Хотят ли русские войны», -

Хотят ли жены и семья,
Чтоб в горы вечно ездил я?
И, как большие утюги,
Летят нам в спину матюги,
Но, как последняя свинья,
Дверь плотно прикрываю я,
И пусть летят они, летят...

Валера (смеется): Ну, так отлично! А дальше что?

Саша: Дальше все.

Валера: Да-а, тогда, пожалуй, маловато...

Андрей: За ночь мы вряд ли что-нибудь из этого сделаем. А покорооче нет чего-нибудь?

Входит Лена.

Лена (истерично): Валера, ну что ты сидишь?! Я же просила тебя мясо перемолоть! У меня курсовик горит, белье еще надо прополоскать, дети давно уже спать должны, а они еще не ужинали даже!

Валера: Ну, ты же видишь - мы тут заняты...

Лена: Ну, а что мне теперь, разорваться, что ли на части?!

В кухню забегают девочка, лет пяти, похожая на Валеру. Смущенно оглядываясь на гостей, она что-то шепчет Лене на ухо. Та резко наклоняется к ней и кричит прямо в лицо:

- Юля, я есть хочу! Юля, я есть хочу!

Девочка, заплакав, убегает в комнату.

Валера: Что ты на ребенка-то кричишь?! Она виновата, что ли, что у тебя курсовик горит?!

Лена: Да потому что надоело все! Ты ни черта по дому не делаешь, стипендию не получаешь, сидим на шее у родителей!

Андрей под шумок разливает портвейн, они с Сашей выпивают.

Валера: Слушай, Лена, давай мы потом с тобой разберемся, все-таки у нас гости...

Лена: Когда потом?! От тебя помощи разве дождешься?! Ты все под себя гребешь! Я тоже, между прочим, хочу еще для себя пожить... И успехи у меня, кстати, получше, чем твои были. А что получается? В Крым я уже три года не ездила, на скалах не помню, когда в последний раз была! Вот мне Алик предлагал путевку в «Адыл-су» на вторую смену - а ты с детьми будешь нянчиться. Понял?

Валера: Ну, мы же говорили уже, кажется, об этом. Твоя мать же собиралась с ними на даче...

Лена (перебивает): Собиралась! Вот именно что - собиралась! А теперь уже не собирается! Ей в июле отпуска не дают!

Валера: Ну, так походи и разберись с ней - твоя же мать!

Лена в ярости бросает на стул ворох сухих колготок, которые снимала с веревок:

- Вот иди сам и разбирайся! Они, между прочим, уже спят давно! - хлопнув дверью кухни, она уходит.

Валера зло смотрит ей вслед. Саша начинает нервно смеяться. Андрей снова разливает портвейн:

- Давайте выпьем за любовь...

Валера (негромко, в сторону двери): Достала уже...

Саша: Чего это с ней?

Валера: Да это ее лебединая песня. Все не может мне простить, что я «испортил ей ее спортивную карьеру». Скалолазка хренова... Можно подумать, там что-то было... Зачем я только женился? Дурак! Сидели бы сейчас где-нибудь в чебуречной на Майорова, горя бы не знали... - он встает, прикручивает к столу мясорубку и начинает молотить куски вареного мяса. - Вся семейка - истерики. Папаша - зануда, бабка - сумасшедшая. Теща вроде еще ничего, так тесть и ее уже допек своим занудством. Нет сил никаких...

Входит Лена, начинает греметь в раковине посудой.

Валера: Пусть возьмет дней двадцать за свой счет. Она же все равно хотела брать. Июль посидит с девчонками, а там уже и ты вернешься...

Лена: Мама *раньше* хотела брать за свой счет. А *теперь* уже не хочет. Вот ты до середины июля будешь в городе, я приеду, а потом - катись куда хочешь...

Валера: Но ты же прекрасно знаешь, что у меня билет на двадцатое июня!

Лена: Ничего не знаю! Это и твои дети тоже!

Саша извлекает из папки какой-то протертый на сгибах листочек:

- Ленка, хочешь послушать, что мы собирались на вашей свадьбе учинить?

Лена не отвечает, продолжая демонстративно греметь посудой.

Андрей: Я хочу послушать! Давай, читай.

Саша: Та-ак... Протокол от... так... Первое: крадем жениха. Второе: топим жениха, А - в Неве, Б - в сортире...

Андрей начинает заразительно смеяться.

Лена: Что же вы тогда его не утопили? - нервно вытерев руки о тряпку, она уходит из кухни.

Саша: Обиделась... Валера, тогда слушай ты. Третье: выслать обоих малой скоростью, А - на Запад, Б - на Восток. Четвертое: гоняем родственников...

Валера: Вот и надо было тогда их всех разогнать... Лена, что делать с мясом?!

Лена (из комнаты, со слезой в голосе): Ничего не надо делать!

Валера (негромко): Да пошла ты...

Саша весело хмыкает, читая еще какой-то очередной листок:

- О, вот еще... Но тоже только начало.

Андрей: Давай!

Саша: В спортзале нашем пол зеленый,

Густая пыль на поле том,

И днем и ночью люд ученый

Все ходит по полу кругом.

Идет направо - (чего-то там) заводит,
Налево - матом говорит,
Там чудеса - Семенов бродит,
Лукьянов на руках стоит...

Андрей (смеется): Вообще-то, по Пушкину у нас Вовик главный специалист.

Саша: Так это он и писал.

Андрей: Ну, вот! А жаль...

Саша продолжает читать про себя:

- Ну, тут какой-то бред... Вот еще нормальный кусок:

... А в чем же там очарованье?

Ведь жизни легкой, в общем, нет!

И кратковременно свиданье,

И страсть одна на много лет.

Вершина!.. К ней, красой блистая,

Стремится двойка удалая,

Самолюбива и сильна,

В одну мечту погружена...

Входит Лена.

Андрей (подмигнув Валере и размахивая в такт стаканом):

Вершина!.. К ней, красой блистая,

Стремится Ленка удалая,

Самолюбива и горда...

Лена (не обращая на Андрея внимания, может быть, даже, не слыша его): Пиши своей матери, пусть приезжает...

Валера: Но ты же прекрасно знаешь, что она не может!!

Лена: Ну, а куда мы тогда детей денем?!!

Валера откручивает мясорубку, относит ее в раковину, заливает горячей водой:

- Слушай, а давай их утопим?

Саша и Андрей смеются, пряча лица от Лены. Раздается сигнал электронных часов. Все оборачиваются на них: на циферблате сплошные нули. Одновременно начинает звонить телефон. Сидящий ближе всех Андрей поднимает трубку, говорит сходу:

- Ноль часов - ровно...

На том конце провода аккуратно кладут трубку.

РАЙОН НОВОСТРОЕК.

Мимо длинного, недавно построенного дома, едет открытый бортовой грузовик, до отказа забитый мебелью и разнообразной домашней утварью. Внезапно он резко тормозит. Сидящая в кузове на диване женщина еле успевает подхватить падающий торшер. Приоткрыв дверь кабины, водитель высовывается наружу и указывает на одну из парадных, на двери которой приклеена огромная бумажная стрелка с надписью «Здесь».

Водитель: Эта?

Женщина: Нет-нет, нам дальше...

КВАРТИРА КОВАЛЕВОЙ.

Человек сорок, все празднично одетые, сидят и полулежат прямо на полу и вдоль стен совершенно пустой, без мебели и занавесок, полутемной комнаты. На обоях развешены фотографии, рисунки, плакаты, лозунги, карикатурные портреты. У противоположной стены, в окружении четырех девушек, стоит Володя. На двух табуретках по бокам горят свечи.

Володя (читает по листку):

... Там, иногда, не доставало

Любимых всеми сухарей,

И дева там не оживляла
Скупую прозу зимних дней.

Девушки (поют хором, глядя в листки):

То не женская доля -
грызть последний сухарь,
То не женская доля -
греть собою пухарь,
То не женская доля -
Непомерный груз несть,
То не женская доля -
по скале гладкой лезть.

Володя:

Смеркалось: на полу, чихая,
Шипел вечерний примусок,
Большую банку нагревая,
А в горле ждал сухой кусок.

Первая девушка:

Разлитый грязною рукою,
По кружкам темною струею
Уже грузинский чай бежал,
Дежурный сахар подавал.

Володя:

Семенов то вздохнет, то охнет,
Стакан дрожит в его руке,
Кусок еды, забытый, сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головушка склонилась,
Пуховка легкая спустилась
С его усталого плеча...

Раздается резкий и продолжительный звонок в дверь. Женщина в длинном черном декольтированном платье идет открывать. За дверью - Андрей и Валера, уже сильно пьяные, но старательно пытающиеся это скрыть.

Тамара: Вы чего опаздываете? Давайте скорей!

Валера: Вас пока найдешь...

Из комнаты доносятся взрывы хохота.

Андрей: Ого! Вы тут, я смотрю, уже всю веселитесь!

Тамара: Так с пяти часов уже все. Как и договаривались. Проходите сюда, направо.

Валера: Мы сейчас... А где тут кухня?

Тамара: Прямо по коридору и налево.

Валера: Мы быстро.

Валера и Андрей заходят в пустую, почти без мебели, кухню, посреди которой стоит стол, уставленный салатами в мисках, коробками с нарезанными пирогами и тортами. Они садятся на свободные от сумок табуретки, Валера достает из кармана пиджака плоскую металлическую флягу и что-то наливает в пару чайных чашек. Из комнаты доносятся дружные аплодисменты и смех. Коридор заполняется голосами. К кухне приближаются быстрые шаги. Валера прячет флягу под стол. С невинным видом они оборачиваются к окну. В кухню заходит Светлана - в короткой джинсовой юбке, белой крепдешиновой блузке и со слегка подкрашенными глазами:

- Привет! А вы чего тут сидите?

Андрей (как бы не замечая ее): Валера, обрати внимание, какое необычное архитектурно-планировочное решение. Архитектура - это застывшая музыка...

Валера (смущенно): Привет! Мы готовимся... мы сейчас... мы уже идем.

Андрей оборачивается и видит Светлану:

- Света! Какая ты ослепительная сегодня!

Светлана смущенно улыбается.

Андрей: Это какой год был?

Светлана: Это Вовик был. Так здорово! Жаль, что вы не успели... Теперь будет семьдесят шестой, а следующие вы. Пошли в комнату!

Андрей: Мы сейчас, нам тут надо... Слушай, Светка, у тебя, случайно, ботинок нет сорок третьего размера? Мне на лето надо.

Светлана (смеется): Нет!

Андрей (разочарованно): Жаль...

Стуча каблучками, Светлана уходит по коридору. Дверь на лестничную площадку распахнута - там курят Слава, Сергей, Гена, Виктор, Виталий, еще несколько человек. Слава о чем-то рассказывает, все смеются. В комнате горит верхний свет. Большим покрывалом закрывают окно и балконную дверь. Юлик и Костя устанавливают на табуретке восьмимиллиметровый кинопроектор, Татьяна разворачивает на стене экран. Валера и Андрей выходят на лестницу.

Андрей: Люди добрые! Дайте закурить, - Гена дает им по сигарете. - Слушайте, у кого есть ботинки, сорок третий размер, на лето? Осенью отдам две пары.

Высовывается из квартиры Наташа:

- Народ! Пошли в комнату, все готово.

Постепенно комната снова заполняется, все рассаживаются по своим местам. На «сцену» выходит Ира, смотрит в программку:

- Выступает семьдесят шестой год. Кинематографическая зарисовка из цикла «От Люмьеров - до наших дней». «Год 1969». Пожалуйста! Зрители хлопают. Выходит Татьяна:

- Сегодня в нашей синематеке вы увидите старую киноплёнку, случайно обнаруженную на дне сундука, принадлежащего бабушке Кости Калинина... Свет погасите, пожалуйста!

Несколько голосов (разом): Свет!

Голос из угла комнаты (язвительно): Давайте погасим свет...

Голос Тамары: За дверью выключатель!

Наконец, кто-то находит выключатель и гасит свет. Татьяна включает магнитофон. Звучит легкая мелодия начала тридцатых годов. Юлик запускает проектор. На экране возникает небольшого размера черно-белое изображение с расплывчатыми краями. На него то и дело выползают узоры из скопившейся на плёнке грязи. Мерцает неравномерный свет проекционной лампы.

Появляется первый титр: «1969 год. Вести». За ним следующий: «Часть первая. Новости архитектуры». На экране - очень молодые Виктор, Эдик, Виталий, Альберт, Тамара, Ира и еще какие-то люди в спортивной одежде бегут по набережной Фонтанки, мимо решетки Летнего сада, скачут на одной ножке вверх по лестнице полуразрушенного особняка; лазают по кирпичной стенке Петропавловской крепости, в бойницах которой лежит их городская одежда; двигаются друг за другом невысоко над землей по большим гранитным блокам старого здания. Съёмки выполнены явным непрофессионалом: камера все время дрожит, постоянно куда-то панорамирует, ни секунды не задерживаясь на одном месте, то наезжает на лица людей, то снова отдалается. К тому же, из-за неверной скорости проектора, люди на экране движутся слишком быстро, как в старых фильмах. В комнате начинают узнавать себя и друг друга, веселятся, негромко комментируют изображение. Титр: «Архитектура Петербурга располагает к занятию альпинизмом, так как выполнена уроженцами Альп: Трезини, Кваренги, Росси».

Новый титр: «Часть вторая. В чем трагедия русской интеллигенции?» На экране - в большом темном помещении идет официальная церемония вручения дипломов... Улица перед зданием ЛИСИ: молодые Виталий, Эдик и Виктор демонстрируют в камеру свои

свеженькие, только что полученные дипломы. Титр: «Более 80% альпинистов в СССР имеют высшее образование...»

Музыка сменяется на более трагичную, чувственную. Титр: «Часть третья. Драматическая». Теперь кадры совершенно статичны. На экране появляется переснятый со старой открытки вид железнодорожного вокзала. Крупно - табличка с названием города, по-видимому висящая на здании этого же вокзала: «Нижнекорячинск». Далее - несколько переснятых со старых фотографий жанровых сценок провинциальной жизни начала века.

Титр: «Акт первый. Лирическая мелодрама». На экране - Татьяна, дома, в причёске начала века, любовно сдувает пыль и протирает тряпкой большую фотографию Кости - в широкополой шляпе, с трубкой во рту. Титр: «Она любит его...» Зрители радостно хохочут. На экране - Костя, в той же шляпе, с дымящейся трубкой во рту, бамбуковой тростью и плетеной корзиной за плечами, быстро и целеустремленно поднимается вверх по тропе. Титр: «Он любит горы...» На экране - Татьяна в бешенстве рвет фотографию Кости на кусочки, топчет обрывки ногами и, заламывая руки, плачет огромными искусственными слезами, оставляющими на лице следы черной туши. Титр: «Горы разлучают любящие сердца...»

Опять титр: «Акт второй. Бытовая драма». Снова появляется то же самое изображение Кости, уходящего вверх по тропе. Титр: «Он любит горы...» Снова появляется плачущая Татьяна, рвущая его фотографию на куски и топчущая их ногами. Титр: «Она не любит его зарплату...»

Пленка в кинопроекторе неожиданно застревает и на экране быстро разрастается пятно плавящейся эмульсии. Юлик выключает проектор.

Крики: - Сапожники!

- Свет!

Зажигают свет. Зрители встают со своих мест, разминают затекшие ноги, спины, шеи.

Юлик: Немного терпения, сейчас будем продолжать!

Воспользовавшись паузой, Андрей, Володя и Валера выбирают на балкон. Вокруг - новые, прямоугольные, еще только частично заселенные коробки домов. Валера достает из кармана флягу, предлагает Володе выпить. В балконную дверь выглядывает Ира:

- Вы идете? Мы продолжаем.

Андрей: У тебя нет, случайно, ботинок сорок третьего размера?

В комнате снова начинает стрекотать проектор. Ира скрывается за покрывалом. Из окон дома напротив раздаются крики: «Горь-ко! Горь-ко!»

Валера (мечтательно): Хочется большой и чистой любви...

Финальный смех и аплодисменты в комнате, по-видимому, означают окончание кинопоказа. С окна снимают покрывало. Светлана открывает дверь:

- Андрюша, Валера, ваш выход.

Андрей (хмуро): Ну что, пошли?

Они заходят в комнату.

Ира: Выступает семьдесят седьмой год призыва. Лирическая пантомима «Застольный дуэт».

Зрители хлопают. Выходят Андрей и Валера, раскланиваются.

Андрей: Нам понадобится стол, три табуретки, бутылка водки и какая-нибудь закуска.

Несколько человек притаскивают из соседней комнаты небольшой журнальный столик и недостающую табуретку. С кухни приносят миску салата и бутылку коньяка:

- Водки нет. Коньяк пойдет?

Андрей: Ладно, пусть будет коньяк.

Они с Валерой садятся за стол, друг напротив друга.

Андрей (к зрителям): Да, я хотел спросить - ботинок сорок третьего размера ни у кого нет на лето?

Первый голос: У вас же пантомима, в ней не говорят!

Андрей: Это еще не выступление.

Второй голос: А когда будет выступление?

Андрей: Вот сейчас... Вот... Все... Тишина... Начали...

Воцаряется тишина. Слышно, как в соседнем доме горланят на свадьбе народные песни. Андрей лезет в карман и достает оттуда три граненых стакана:

- Да, я еще забыл сказать - нам еще нужен Сашка.

Третий голос: У вас же дуэт!

Кто-то смеется. Саша удивленно смотрит на Андрея и Валеру. Они жестами показывают ему, чтобы шел к ним. Недоуменно пожав плечами, Саша пробирается через сидящих к столу. Андрей жестом показывает ему на свободную табуретку рядом с собой. Саша садится. Андрей расставляет стаканы, откупоривает коньяк, разливает. Потом они чокаются, выпивают. Валера и Андрей блаженно откидываются от стола. Саша потягивает свой коньяк, следя за их дальнейшими действиями. Сделав еще пару глубоких глотков, Андрей ставит стакан на стол, чуть не выронив его по дороге и слегка залив себе брюки.

Чей-то голос (в тишине): Недержание коньяка...

Несколько человек начинают смеяться.

Женский голос: Тише, не мешайте!

Валера лезет в карман и достает оттуда три столовые ложки. После этого они втроем слегка закусывают салатом. Потом Валера разливает по новой. Ожидая развития действия или какого-нибудь подвоха, зрители с интересом следят за ними.

Андрей (к зрителям): Курить можно?

Наташа: Не надо, и так душно!

Женский голос: Это что, необходимо для выступления?

Мужские голоса: - Пусть курит!

- В рукав кури!

Сергей: Андрюха, а ты под себя кури...

Зрители веселятся. Андрей закуривает. Потом закуривает Валера, потом они снова выпивают и снова закусывают салатом. Когда они разливают коньяк в четвертый раз, зрители начинают понимать, что их бессовестно обманывают.

Голоса: - Халтурщики!

- Это что, все?

- Куликов, перестань пить наш коньяк!

Андрей вздыхает руку вверх, прося тишины:

- Тихо! Мне есть, что сказать людям...

Он лезет во внутренний карман своего пиджака, вытаскивает оттуда ворох бумаг и начинает среди них что-то искать. Сыплются на пол просроченные лотерейные билеты, использованные проездные талоны. Валера и Саша, уже вдвоем, с удивлением наблюдают за ним.

Голоса: - Хватит!

- Мы вам уже не верим!

Наконец, Андрей выуживает из пачки нужный ему клочок бумаги:

- Тихо! Экспромт! Написано за пятнадцать минут до начала выступления! Вариация на тему «Маленький мальчик зацепку искал»!

Зрители смеются, охотно успокаиваются.

Андрей (трагично, простирая вдаль руку):

Маленький мальчик зацепку искал,

В трещинке ручку заклинивать стал... -

во время недолгой паузы он успевае залпом осушить содержимое своего стакана. -

Хлопнули мощно стальные капканы -

Долго смеялся директор «Светланы»...

КВАРТИРА АНДРЕЯ.

Стараясь не шуметь, Андрей из прихожей, на цыпочках, проходит прямо в кухню, снимает мятый праздничный пиджак, шарит по кастрюлям, потом зажигает газ и ставит на плиту чайник. Кутаясь в халат, на кухню выходит уставшая и осунувшаяся мать Андрея, останавливается в дверях.

Андрей: Привет. Чего не спишь?

Мать: Да так что-то...

Андрей: Нина не звонила вчера?

Мать: Нет, не звонила.

Андрей лезет в холодильник, достает оттуда масло и сыр. Отрезает кусок хлеба и мажет себе бутерброд.

Мать: Она когда собирается возвращаться?

Андрей: К первому экзамену, скорей всего.

Мать: А у тебя какие планы?

Андрей: Ну, какие планы... Обычные планы - зачеты всякие, сессия, экзамены надо сдавать...

Мать: Я имею в виду на лето планы.

Андрей: А что на лето? Летом - как обычно. Не знаю пока. До лета еще дожить надо.

Мать: Ты что, боишься не дожить до лета?

Андрей (смеется): Нет, почему, я в смысле всяких там экзаменов, - он вынимает из шкафа банку с кофе. - Еще двести раз все может перемениться.

Мать: Нина говорила - ты собираешься уехать на два месяца?

Андрей: Ну, во-первых, не на два, а, скорей всего, на полтора... Ну да, в общем, собираюсь уехать, а что, собственно?

Мать: Я думаю, ты и сам прекрасно понимаешь - что... Может быть ты это лето пропустишь? Один раз, мне кажется, можно... Все-таки такое событие предстоит...

Андрей, начиная злиться, садится за стол:

- Оно же не летом предстоит, а осенью, даже почти зимой! Потом, в конце концов, это что, какое-то небывалое событие? В истории человечества такого никогда еще не происходило?!

Мать: Тише, тише - папа спит, разбудишь... Вчера работал много, поздно пришел...

Андрей сбавляет звук, переходя на громкий шепот:

- Зачем мне-то здесь торчать все лето? - он яростно откусывает кусок бутерброда.

Мать: Неужели ты не понимаешь таких элементарных вещей? Нине нужен покой, за ней нужно поухаживать, последить, в чем-то помочь... Ей же нельзя носить тяжести, не все можно есть, нельзя, между прочим, нервничать, а твой отъезд - это, как раз, повод для волнений, для неприятных мыслей, для бессонных ночей...

Андрей, перестав на время жевать, кричит:

- Да почему это повод для бессонных ночей?! - и, осекшись, опять переходит на шепот, снова продолжая жевать. - Потом, почему ты все время говоришь за Нину, будто ее самой как бы и не существует?! Можно подумать, что мы с ней ни разу об этом не говорили!.. Зачем делать из меня какого-то монстра, синюю бороду? Нина, между прочим, меня отпускает, она даже говорит, что ей так будет проще!

Мать: Ну-у, она так говорит потому, что не хочет тебе мешать. Но я уверена, что в глубине души ей наоборот хочется, чтобы ты остался здесь и был сейчас рядом.

Андрей: А почему бы ей, тогда, не сказать этого прямо? Зачем это скрывать? Если ей действительно этого хочется?.. Ты говоришь то, что считаешь нужным делать сама, но это еще не значит, что все кругом думают точно также. Она что, говорила, что хочет, чтоб я остался?

Мать: Нет, *впрямую* не говорила...

Андрей: Ну а чего тогда выдумывать?

Закипает чайник. Андрей резко встает, вынимает из сушилки джезву.

Мать: С тобой стало совершенно невозможно разговаривать...

Андрей садится на стул, отставляет джезву в сторону:

- Почему это невозможно? Все вокруг говорят, а дома, почему-то, невозможно!

Мать: Ну, во-первых, не вдруг, а уже давно...

Андрей: Не знаю! Ни у кого, кроме тебя, таких проблем, почему-то не возникает!

Мать (устало): Ну ладно, давай сейчас обо мне говорить не будем... Но вот о Нине я тебе советую хорошенько подумать. Для женщины это всегда тяжелое испытание, а первый раз - особенно... И всегда лучше, когда кто-то близкий есть рядом. Мы с папой, конечно, тоже не чужие люди, но мы - другое дело.

Андрей: Хорошо, договорились! Я обязательно подумаю.

Мать хочет еще что-то добавить, но только безнадежно машет рукой:

- Ну ладно, я пойду, попробую еще немного поспать, может быть удастся...

Андрей: Попробуй...

Плотно притворив за собой дверь, мать уходит в комнату. Андрей остается сидеть за столом, равнодушно глядя на беснующийся чайник.

купить полную электронную версию текста

<http://grigorysidko.ru/el.html>

купить книгу

<http://grigorysidko.ru/prmd.html>